

Оксана Сергеевна Батурина
Владимир Владимирович Журавлев

*Идеологические императивы
единства народов России*

Монография

Оксана Батурина

**Идеологические императивы
единства народов
России. Монография**

Батурина О. С.

Идеологические императивы единства народов России.

Монография / О. С. Батурина —

Историко-философская ретроспекция народного единства, социально-философские основания понятия «единство народов», цивилизационный статус Российского государства, факторы риска и препятствий интегративному процессу позволили сформулировать идеологические императивы современного российского общества и разработать стратегии укрепления идеологической однородности в целях глубокого осмысления механизмов формирования и воспроизводства идейно-политического пространства современной России.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	6
ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА ИДЕИ ЕДИНСТВА В РОССИИ	12
1.1. Опыт государственного строительства: от имперского универсализма к советскому интернационализму	12
1.2. Преемственность и разрывы в понимании национального единства в постсоветский период	16
1.3. Идея единства в условиях глобальных вызовов современности	19
ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ «ЕДИНСТВО НАРОДА»	28
2.1. Понятие «единство» в классической и современной политической философии: панорама политико-философской мысли	28
2.2. Единство как социальная онтология: соотношение этнического, гражданского и цивилизационного	31
2.3. Соотношение понятий «единство народов» и «народное единство»	38
2.4. Соборность, всеединство и державность в основе русской цивилизации	44
ГЛАВА 3. РОССИЯ КАК ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ЦЕННОСТНЫЙ ФУНДАМЕНТ ЕДИНСТВА	53
3.1. Концепт «государство-цивилизация» как методологический ключ к пониманию российской идентичности	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Идеологические императивы единства народов России Монография

**Оксана Сергеевна Батурина
Владимир Владимирович Журавлев**

© Оксана Сергеевна Батурина, 2026

© Владимир Владимирович Журавлев, 2026

ISBN 978-5-0069-7904-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования идеологических императивов единства народов России в контексте социально-политической философии обусловлена необходимостью глубокого и всестороннего осмысления основ существования России как уникального полиэтнического и поликонфессионального пространства в условиях глобальных трансформаций XXI века, изучения механизмов и инструментов, обеспечивающих сплоченность и гармонию в поликультурном обществе, находящемся под постоянным воздействием глобальных процессов, миграции, демографических сдвигов, экономического неравенства и иных серьезных вызовов современности. Серьезную тревогу вызывают также попытки ряда зарубежных игроков влиять на внутрисоветскую ситуацию, подогревая межэтнические и конфессиональные конфликты, стимулируя сепаратистские движения и дестабилизирующие настроения в обществе.

Особенно остро встает вопрос идеологического обеспечения единства в условиях нарастающего соперничества великих держав, разворачивающегося противостояния Запада и Востока, увеличения информационных войн и манипуляций общественным мнением. Внутреннее единство страны служит гарантией ее политической стабильности, экономической мощи и военного потенциала, поэтому недостаток внятных и признанных всеми слоями общества идеологических ориентиров существенно повышает риски раскола и фрагментации общества.

Сегодня назрела необходимость обновить арсенал имеющихся средств идеологического воздействия, оптимизировать существующие институты и процедуры формирования общенациональной идентичности, обеспечить защиту традиционных ценностей и основ российского миропорядка. Исследование направлено на восполнение дефицита теоретических знаний о природе и содержании идеологических императивов, которые способны сплотить общество и обеспечить его успешное развитие в условиях турбулентности и неопределенности современного мира. Результаты исследования имеют важное значение для формирования эффективной государственной политики, улучшения качества образовательного процесса, развития культурного пространства и предотвращения возможных очагов нестабильности.

Проблематика идеологических императивов единства народов России» актуальна не просто как научная задача, но как стратегический вызов для российского государства и общества. От ее решения напрямую зависят стабильность, безопасность, суверенитет и будущее развитие России как уникальной цивилизации.

2026 год был объявлен Президентом Российской Федерации В. В. Путиным Годом единства народов России, что подчеркивает актуальность и востребованность проведенного исследования, которое отражено в настоящей монографии.

Степень разработанности исследования достаточно высока, однако остаются нерешенные вопросы и пробелы, нуждающиеся в дальнейшем изучении.

Классическая русская философия: Многие русские философы XIX—XX веков (например, Владимир Сергеевич Соловьев, Николай Александрович Бердяев, Алексей Федорович Лосев) глубоко проработали концепцию «всеединства» и «соборности», заложили фундамент понимания сущности единства народов России.

Советская наука предложила целый ряд работ, касающихся межнациональных отношений, дружбы народов и социалистического интернационализма. Советская наука предложила целый ряд значительных работ, касающихся межнациональных отношений, дружбы народов и социалистического интернационализма. Так, ученые, такие как Юрий Семенович Давыдов, Борис Федорович Поршневу, Лев Николаевич Гумилев, внесли важный вклад в изучение этногенеза, межэтнических связей и взаимодействия народов в составе многонационального государства. До конца советского периода значительная часть научных работ в этой сфере была

ограничена официальной партийной доктриной, из-за чего реальные сложности межэтнического взаимодействия зачастую оставались вне фокуса исследований.

С наступлением постсоветского периода научная дискуссия существенно расширилась: появилось множество исследований, посвященных этнополитическим процессам, формированию общероссийской идентичности и механизмам поддержания межнационального согласия. В этот период ряд выдающихся отечественных мыслителей выдвинули концептуальные подходы к сохранению единства многонациональной России. Александр Сергеевич Панарин обосновал идею цивилизационной идентичности, выделив самобытность российской культурной модели и ее принципиальные отличия от западных образцов. Владислав Юрьевич Сурков сформулировал концепцию «суверенной демократии», в рамках которой предложил сочетать демократические институты с учетом национальных приоритетов и специфики страны. Валерий Александрович Тишков сосредоточился на научно обоснованных методах регулирования межэтнических отношений, подчеркивая необходимость снижения политизации этничности и укрепления общегражданской идентичности. Все эти концепции направлены на решение актуальных проблем, связанных с обеспечением единства и стабильности в многонациональном российском обществе.

В то же время, как мы видим, недостаточно разработаны механизмы формирования идеологических императивов, цифровые технологии в формировании идеологического единства, модернизация традиционных идеологем, роль информационно-психологических войн.

Остаются слабо изученными конкретные методы внедрения и закрепления идеологических конструкций в массовом сознании, хотя отдельные авторы поднимали вопросы об их происхождении и функциях.

Новая цифровая среда и онлайн-пространство создают особые вызовы для единства народов России, однако пока отсутствуют масштабные эмпирические исследования и четкое понимание того, как цифровые медиа влияют на идеологию и идентичность.

Требуют дополнительного научного осмысления механизмы модернизации старых идеологических принципов (таких как «русская миссия», «особенный путь России»), применительно к новым условиям геополитической конкуренции и технологических преобразований.

Существует потребность в более подробном изучении методов противодействия внешнему воздействию, направленному на раскол и разъединение народов России, включая формы идеологического сопротивления агрессивным информационным кампаниям.

Исследование идеологических императивов единства народов России обусловлено целым рядом глубоких **противоречий**:

- между потребностью в укреплении единства многонационального российского общества и угрозой роста националистических и сепаратистских настроений, которые ослабляют социальную сплоченность и ставят под сомнение государственную целостность;
- между стремлением государства утвердить сильные идеологические ориентиры и отсутствием общепризнанных и широко принятых идеологических концепций, способных объединить население на основе общей цели и смысла существования;
- между интересами России как суверенной державы и давлением внешнего фактора, стремящегося вызвать внутренние разногласия и усилить конфликтность в обществе путем информационных кампаний и провокаций;
- между возможностями глобализации и открытостью мирового пространства для культурного обмена и одновременно опасностью нивелирования национальной идентичности и уничтожения традиционных ценностей, что создает внутренний конфликт между модернизацией и консерватизмом;
- между необходимостью учитывать особенности многонационального и многокультурного состава российского общества и требованием равенства возможностей и прав для всех

народов и этнических групп, что вызывает дискуссии о границах федерализма и степени региональной автономии.

Выявленные нами противоречия являются предметом оживленных научных споров подтверждают актуальность и своевременность изучения идеологических императивов, которые поддерживают целостность и стабильность российского общества в нынешней социально-политической обстановке.

Необходимость разрешения указанных противоречий определила **проблему исследования** – отсутствие целостной научной концепции комплексного научного осмысления идеологических императивов, обеспечивающих единство многонационального российского общества. Ограниченное понимание механизмов их реализации в современных реалиях требуется детального изучения конкретных идеологических установок – их содержание, структурные особенности и способы трансляции, – с учетом актуальных вызовов: глобализации, развития цифровых технологий и роста межэтнической напряженности.

Объект исследования: идеологические модели и социально-политические практики, выступающие основой консолидации многонационального российского общества.

Предмет исследования: процессы формирования, содержательные характеристики и механизмы реализации идеологических императивов, обеспечивающих единство народов России.

Цель исследования: сформировать научно обоснованную систему идеологических императивов, способствующих укреплению единства народов России.

Гипотеза исследования включает следующие предположения:

1. Идеологические императивы единства формируются на основе синтеза традиционных духовно-нравственных ценностей, исторических символов и образов, подкрепляемых государственным регулированием и социальными институтами.

2. Устойчивость и эффективность идеологических императивов зависят от способности учитывать полиэтнический состав страны, удовлетворять потребности всех этнических групп и создавать условия для их равноправного участия в жизни общества.

3. Основой идеологического единства выступает сочетание цивилизационной идентичности, национальной гордости и сознательного выбора индивидуальной причастности к общероссийским целям и интересам.

4. Для эффективного функционирования идеологических императивов необходимы развитые институциональные механизмы (образование, культура, СМИ, пропаганда), транслирующие общенациональные ценности.

5. Сохранение идеологического единства требует непрерывного анализа общественного мнения, оперативного реагирования на вызовы глобализации и противодействия деструктивным внешним воздействиям, способным дестабилизировать социальную среду.

Задачи исследования:

1. Проанализировать теоретические подходы (классические и современные) к определению и функционированию идеологических императивов единства народов в политической философии.

2. Изучить исторический опыт и актуальные практики утверждения идеологических императивов в России: проследить основные этапы их становления, эволюции и трансформации в контексте социально-политических изменений.

3. Систематизировать и охарактеризовать структуру и содержание современных идеологических императивов, выступающих основой единства многонационального российского общества.

4. Провести оценку действенности существующих идеологических императивов в контексте актуальных вызовов современности – от глобализации до информационных войн – и определить степень их соответствия текущим общественным потребностям.

5. Выработать рекомендации по совершенствованию идеологического обеспечения единства народов России, включая механизмы трансляции и усвоения соответствующих ценностей населением.

6. Определить зоны риска нарушения идеологического единства и предложить меры профилактики возможных угроз.

Научная новизна исследования:

1. Впервые проведен системный анализ идеологических императивов с позиции динамичных интегративных конструкций, которые соединяют традиционные духовно-нравственные ценности, государственные символы и социокультурные смыслы и отражают специфику текущего исторического этапа, характерные для конкретного исторического момента.

2. Установлена тесная взаимосвязь между содержанием идеологических императивов и уровнем социально-политической стабильности в российском обществе, выявлены механизмы их трансляции и функционирования в публичном пространстве.

3. Разработана оригинальная концепция идеологического единства, интегрирующая идеи цивилизационной идентичности, патриотического самосознания и гражданской активности в государственном строительстве.

4. Создан алгоритм повышения эффективности идеологического обеспечения единства народов России, который включает комплекс мер по воспитанию патриотизма, формированию общей исторической памяти и повышению уровня толерантности и взаимопонимания между представителями различных этнических и конфессиональных групп.

Таким образом, данное исследование обогащает теорию и практику идеологического обеспечения единства народов России новыми знаниями и рекомендациями, необходимыми для успешного решения актуальных задач государственной политики.

Теоретическая значимость результатов исследования состоит в том, что:

– впервые дан системный анализ идеологических императивов, способствующих единству народов России, выстроенный на основании классического и современного политико-философского материала;

– определены сущностные признаки, структура и функции идеологических императивов, играющих ключевую роль в формировании и укреплении национального единства;

– расширены границы научных знаний в области политической философии и идеологии, вскрыт механизм взаимодействия идеологических конструктов с социально-экономическими и культурными факторами;

– разработана оригинальная концепция идеологического обеспечения единства, отличающаяся синтезом традиционных и инновационных подходов, дающая представление о роли государства и общества в формировании идеологических ориентиров;

– представлены выводы, имеющие прикладное значение для дальнейших исследований в области философии, политологии, социологии и культурологии, касающиеся оценки влияния идеологических компонентов на стабильность и развитие многонационального общества.

Практическая значимость результатов исследования состоит в том, что:

– получены научные обоснования и рекомендации для совершенствования государственной политики в сфере идеологического обеспечения единства многонационального российского общества;

– подготовлен материал для разработки и коррекции программ патриотического воспитания, формирования гражданской идентичности и воспитания толерантности в образовательных учреждениях различного уровня;

– полученные выводы полезны для принятия управленческих решений органами власти федерального и регионального уровней по вопросам укрепления межнационального и межконфессионального согласия;

– результаты исследования позволят повысить качество просветительской и пропагандистской работы в средствах массовой информации, Интернете и социальных сетях, направленную на поддержку единства и социальной стабильности в стране.

Монография состоит из введения, шести глав, в каждой из которой по четыре параграфа, заключения, цитируемой литературы и приложения.

Первая глава посвящена социально-философскому анализу категории «единство народа». Автором дан панорамный обзор классических и современных подходов к пониманию «единства» в политической философии, проанализированы трактовки данного термина в различных школах и направлениях мысли. Понятие «единство» рассматривается как особая форма социальной онтологии, определяется его соотношение с этническими, гражданскими и цивилизационными измерениями. Исследователь обратился к соотношению двух близких, но различных категорий – «единство народов» и «народное единство», чтобы лучше понять смысл и структуру феномена. Введено понятие идеологического императива, разъяснены его существенные характеристики, функции и механизм формирования в общественном сознании.

Вторая глава последовательно раскрывает исторические этапы формирования и развития идеи единства в России. Описан генезис важных для русской мысли понятий «всеединства» и «соборности», отмечая их философские и религиозные истоки. Рассмотрен исторический опыт государственного строительства, от периода имперского универсализма до советского интернационализма, подчеркивая особенности государственного и идеологического оформления единства. Проведено исследование переломных моментов в восприятии национального единства в постсоветский период, при этом выделены моменты преемственности и разрывов в трактовке данного феномена. Выявлены особенности понимания идеи единства в условиях современных глобальных вызовов и тенденций.

В третьей главе монографии раскрывается природа российской идентичности через призму концепции «государство-цивилизация». Основное внимание сосредоточено на исследовании духовно-нравственного фундамента, лежащего в основе объединения многонационального российского общества. Служение обществу и идея общего дела формируют основу общероссийской идентичности. Духовное наследие при этом выступает важным стабилизирующим ресурсом в условиях глобальных изменений. Такой ракурс исследования позволяет глубже осмыслить специфику российской государственности, построенной на органичном сочетании национального самосознания и цивилизационной идентичности.

Анализ главных идеологических принципов современного российского общества проведен в четвертой главе. В центре внимания исследования – базовые императивы, определяющие вектор внутренней и внешней политики государства: обеспечение суверенитета и сохранение цивилизационной самобытности; реализация принципов социальной справедливости как основы общественной консолидации; поддержание межнационального и межконфессионального согласия через реализацию концепции «единства в многообразии»; сохранение и трансляция исторической памяти как фундамента преемственности и устойчивого развития страны.

В пятой главе проводится исследование актуальных вызовов, препятствующих социокультурной интеграции народов России в XXI веке. Среди них: глобализация, информационные войны, этнонационалистические настроения, религиозный экстремизм, деструктивные идеологии. Анализируется, как глобализационные процессы влияют на трансформацию традиционных идентичностей, формирование новых моделей самоидентификации и возникновение ценностных противоречий.

В заключительной главе исследователи сосредотачиваются на разработке стратегических механизмов укрепления идеологического единства. Исследуется роль образования и культуры в воспроизводстве значимых идеологических установок, поддерживающих социальную сплоченность. Отдельно анализируется потенциал цифрового пространства и социальных сетей как инструментов формирования гражданской солидарности и развития межкультурного вза-

имодействия. Завершается глава размышлениями о стратегическом моделировании будущего: формировании привлекательного образа «Большой России» и значимости трансляции будущим поколениям позитивного восприятия страны и ее роли в мировом сообществе.

Приложениях содержат систематизированные направления, поэтапную схему реализации, алгоритм действий и стратегические подходы к совершенствованию механизма идеологического обеспечения единства народов России.

Таким образом, монография предлагает концептуальное решение проблемы современности: обеспечения устойчивости и субъектности российского общества в период цивилизационного перехода. В основе подхода – опора на внутренние духовные и политические ресурсы страны. Результаты исследования имеют практическую значимость в целях совершенствования государственного строительства, укрепления гражданского согласия и развития духовно-аксиологической стратегии государства.

Данная научная монография ориентирована на широкую аудиторию специалистов и тех, кто профессионально занимается изучением проблем идеологии, социокультурной интеграции и общественного единства в России:

- ученые и исследователи, включая специалистов в области философии, политологии, социологии, культурологии, этнологи и др., найдут для себя глубокий анализ ключевых концепций и закономерностей формирования идеологического единства;
- для преподавателей вузов книга станет полезным пособием для чтения лекций и разработки учебных курсов по политическим наукам, обществознанию, культурологии и социальной философии;
- студентам и аспирантам работа даст необходимую базу для освоения дисциплин, связанных с изучением политической философии, идеологии и российской истории;
- государственные служащие и политические аналитики получат инструмент для выработки эффективных решений по укреплению национального единства и совершенствованию государственной идеологии;
- общественным деятелям и представителям некоммерческих организаций книга позволит лучше понять роль идеологии в процессах социальной интеграции и выработке предложений по поддержке единства общества;
- читатели, которые интересуются российской культурой, историей и философией, смогут углубить знания о механизмах формирования идеологического единства и особенностях российского менталитета.

Материал монографии окажется полезен всем тем, кого интересует феномен идеологического единства в России, его природа, структура и динамика развития, а также способы поддержки и укрепления единства многонационального российского общества.

ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА ИДЕИ ЕДИНСТВА В РОССИИ

1.1. Опыт государственного строительства: от имперского универсализма к советскому интернационализму

Российский исторический путь демонстрирует уникальный опыт мирного сосуществования множества этносов, конфессий и культур. Многонациональность и поликультурность были заложены еще в эпоху формирования Древнерусского государства, развивались в ходе расширения территории империи и получили дальнейшее развитие в советский период.

Трансформация российской государственности в начале XX века представляет собой не только радикальную смену политического режима, но и глубокую переработку механизмов удержания и легитимации обширного гетерогенного пространства. Центральным звеном этой эволюции выступает переход от имперского универсализма, основанного на сакрализованной власти и сословно-религиозной иерархии, к советскому интернационализму, предложившему классовую формулу наднационального единства.

Имперский универсализм периода классической монархии базировался на триаде «Православие – Самодержавие – Народность», где объединяющим началом выступала фигура монарха и миссия России как «удерживающего» (катехона) мирового порядка. Описанный тип универсализма предусматривал интеграцию разнообразных этнокультурных сообществ в общее политико-правовое пространство с сохранением их сословных и конфессиональных особенностей – под эгидой наднациональной имперской концепции. Его идейная основа складывалась из идеи «удерживающего» центра и мессианской концепции (от «Третьего Рима» до панславизма). Государственная политика того периода строилась на гибком балансе унификации и автономии: центральная власть включала региональные элиты в систему управления, гарантируя сохранение местных правовых норм и религиозных традиций в обмен на лояльность монарху. «Русскость» в этой модели выступала не этническим маркером, а признаком гражданско-культурной принадлежности к евразийской империи, что подчеркивало надэтнический характер универсализма.

Имперский этап развития государства отличался выраженной ориентацией на универсалистские принципы: различные народы интегрировались в единую политическую систему через процессы ассимиляции либо культурной адаптации. Основа подхода – централизованная власть и единая правовая система, объединявшие этносы и регионы.

Обратимся к современным исследованиям в область феноменологии и структуры империи. С одной стороны, империя изучается как форма правления, с другой стороны, как особый архетип. Тематический анализ работ позволили нам выделить **три уровня империи**:

1. Структурно-онтологический уровень. А. В. Ахмаров¹ выделяет генетический код империи через три базовых параметра: универсализм (претензия на всеобщность идеи), иерархия (четкая вертикаль подчинения) и централизация (концентрация ресурсов и решений в одной точке). Он объясняет, что империя – это устойчивый архетип, стремящийся к упорядочиванию хаоса через жесткую структуру.

¹ Ахмаров А. В. Основные характеристики имперского архетипа: универсализм, иерархия, централизация // Актуальные вопросы науки и образования (шифр – МКАВН). Сборник материалов XV Международной научно-практической конференции. М., 2025. С. 369—374.

2. Историко-прагматический уровень. Ю. Ю. Гранкин² анализирует, как имперский архетип воплощался в реальности на примере России, как политический центр транслировал свою волю на огромные окраины. Империя функционирует как сложнейшая система баланса между жестким контролем центра и необходимостью интеграции многообразных территорий в единое тело государства.

3. Философско-критический уровень. И. В. Степанов³ рассматривает империю через оптику постпозитивизма и постструктурализма. Автор анализирует, как в XX веке западная мысль деконструировала «имперское мировоззрение». Критика строится на том, что имперский универсализм часто подавляет локальные идентичности, а иерархия служит инструментом доминирования. Это взгляд на империю как на «большой нарратив», который в современном мире подвергается сомнению.

Методологический анализ научных работ позволил сформировать трехчастную модель интерпретации имперского феномена:

- **империя** – это наиболее амбициозный способ организации человеческого пространства, ее императивы (универсализм и иерархия) – ответ на потребность в глобальной стабильности;

- **выживание империи** зависит от ее способности эффективно «сшивать» центр и окраины, а имперский императив – это искусство удержания многообразия в единстве;

- в современном интеллектуальном поле **имперское мировоззрение сталкивается с вызовом**, когда старые методы централизации и иерархии конфликтуют с ценностями многополярности и индивидуальной свободы.

Империя в этих работах предстает как неизбежный, но проблемный императив истории. С одной стороны, это мощный инструмент цивилизационного строительства и интеграции территорий (как в случае с Россией), с другой – структура, требующая постоянного переосмысления, чтобы не превратиться в механизм подавления. Современный вызов заключается в том, как сохранить «имперский размах» и универсальные ценности, избежав при этом жестких диктатов прошлого.

Советский этап принес радикальное изменение парадигмы, утвердив принципы **социалистического интернационализма**. Советский интернационализм стал ответом на кризис имперской идентичности, предложив радикально иную, но не менее универсалистскую парадигму. Переход к советскому интернационализму после 1917 года, при всей его внешней радикальности и разрыве с традицией, сохранил интенцию на создание глобального, вселенского проекта. Несмотря на то, что классовый подход пришел на смену религиозно-монархическому, однако структура государственного строительства осталась ориентированной на «большое пространство». Советский проект предложил новую форму универсализма, где национальное начало должно было быть преодолено через солидарность пролетариата. Классовая солидарность пролетариата была выдвинута в качестве фундамента для «нового типа государственности» – СССР. В отличие от имперской модели, советский проект на начальном этапе развития реализовал принципиально иную стратегию государственного строительства. Был задействован этнический фактор, но не для сохранения традиционных лояльностей, а для их демонтажа с одновременным выстраиванием жесткой централизованной вертикали власти через структуру РКП (б). Терри Мартин охарактеризовал эту модель как «империю положительной деятельности». Ее уникальность состояла в том, что интернационализм стал функциональным идеологическим механизмом. Он легитимировал новую форму единства, противопоставляя ее западным национальным государствам, где основой выступала этническая гомогенность.

² Гранкин Ю. Ю. Параметры влияния политического центра России на окраинные территории в имперский период // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. №4. С. 32—37.

³ Степанов И. В. Критика имперского мировоззрения в постпозитивистской и постструктуралистской философии XX в // Исследования зарубежной истории. Материалы конференции. М., 2023. С. 439—448.

Советское государство законодательно закрепило принципы равенства народов и права наций на самоопределение. Это создало институциональные условия для культурного и экономического развития национальных регионов. Интернационализм, будучи центральным элементом советской идеологии, способствовал формированию принципиально новых взаимоотношений между народами и социальными классами – основанных на идее интернациональной солидарности. Такой подход позволил создать уникальную форму государственности, сочетающую элементы федерализма и централизации, основанную на идеалах социальной справедливости и классового сотрудничества.

Анализируя интернационализм как идеологический фундамент и практический инструмент советской цивилизации. Следует обратиться к авторам, которые интерпретируют данное явление не просто как сложную систему, пронизывающую право, культуру, религию, образование и армию.

Результаты тематического анализа исследования дал основание для определения характерных **уровней интернационализма**:

1. **Правовой уровень** (А. Витале⁴);
2. **Социальный уровень** (А. В. Жигалов⁵);
3. **Духовно-прагматический уровень** (Е. М. Жукова⁶);
4. **Культурно-воспитательный уровень** (М. М. Сатыбалдиев⁷);
5. **Этико-военный уровень** (В. В. Пиунов⁸).

А. Витале прослеживает, как принцип интернационализма эволюционировал в текстах советских конституций. Исследователь показывает переход от революционного «пролетарского интернационализма» (инструмента мировой революции) к государственному принципу «социалистического интернационализма», который стал правовой основой для сосуществования республик внутри СССР. Это был метод легитимации новой формы государственного единства.

А. В. Жигалов, осмысляя советский опыт в контексте современных проблем поликультурности, выделяет интернационализм как уникальный проект формирования «надэтнической» идентичности. Автор доказывает, что советская модель позволяла сохранять культурное разнообразие, подчиняя его общей гражданской цели. Это и помогало избегать острых межэтнических конфликтов, актуальных сегодня.

Е. М. Жукова вскрывает интересный парадокс: идеология интернационализма, будучи атеистической, на практике способствовала реализации принципа веротерпимости. Идея «братства народов» заставляла представителей разных конфессий находить точки соприкосновения. Интернационализм выступал социальным «модератором», который гасил межрелигиозную вражду ради общенационального единства.

М. М. Сатыбалдиев анализирует механизмы воспроизводства этой идеологии. Литература (русская и национальная) служила главным инструментом формирования «человека нового типа». Автор подчеркивает неразрывную связь патриотизма (любви к родине) и интер-

⁴ Витале А. Эволюция принципа интернационализма в советских конституциях // История и современное мировоззрение. 2021. Т. 3. №4. С. 12—17.

⁵ Жигалов А. В. Разнообразие и идентичность в поликультурном обществе: переосмысливая опыт советского интернационализма // Вопросы культурологии. 2021. №6. С. 483—491.

⁶ Жукова Е. М. Интернационализм как фактор реализации принципа веротерпимости в Советскую эпоху // III Международная научно-практическая конференция, посвященная 100-летию образования СССР (VI Губкинские Гуманитарные чтения). М., 2022. С. 188—193.

⁷ Сатыбалдиев М. М. Роль русской и советской литературы в воспитании учащихся в духе патриотизма и интернационализма // Историко-педагогические чтения. 2022. №26. С. 374—379.

⁸ Пиунов В. В. Интернационализм – неотъемлемая черта советского и российского воина // Сборник материалов всероссийской научной конференции, посвященной 105-летию рабоче-крестьянской красной армии и рабоче-крестьянского красного флота. М., 2023. С. 29—34.

национализма (уважения к другим народам) в советской педагогике, где одно не могло существовать без другого.

В. В. Пиунов рассматривает интернационализм как ключевую черту воинского этоса. В армии, где служили представители десятков национальностей, этот принцип был вопросом выживания и боеспособности. Он указывает на преемственность: традиции советского «воина-интернационалиста» стали моральным фундаментом и для современной российской армии, формируя образ солдата как защитника общего блага, независимо от этнической принадлежности.

Анализ данных работ позволяет представить советский **интернационализм как «социальный клей» огромной многонациональной империи**. Вывод можно свести к трем ключевым положениям:

1. Инструментальность. Интернационализм был не просто мечтой о мировом братстве, а скорее прагматичной технологией управления сложным, поликультурным пространством. Он позволял «сшивать» разные этносы и религии в единую политическую нацию.

2. Целостность воспитания. Через литературу и армейскую службу принцип интернационализма превращался из сухой строчки конституции (А. Витале) в глубоко личное убеждение гражданина (М. М. Сатыбалдиев, В. В. Пиунов). Это создавало устойчивый культурный код.

3. Актуальность опыта. В условиях глобальных кризисов идентичности советский опыт (А. В. Жигалов, Е. М. Жукова) видится авторам как важный исторический урок того, как можно выстраивать диалог культур, опираясь на общие ценности, а не на этнические различия.

Для авторов интернационализм – это высшая форма социальной ответственности, которая в советский период позволила создать уникальную систему межнационального мира. Эта модель во многом сохраняет актуальность для современной России как образец гармонизации межэтнических отношений.

Анализ перехода от имперского универсализма к советскому интернационализму выявляет парадоксальную институциональную преемственность. Несмотря на идеологическое различие, оба проекта разделяли ключевые характеристики:

- телеологичность – представление о собственной миссии как конечной цели исторического развития (империя как хранительница истины, СССР как авангард человечества);
- наднациональная идентичность – формирование общности, выходящей за рамки этнических границ;
- этатизм – доминирующая роль государства в конструировании социальной реальности.

Имперская модель формировала тип «подданного», лояльного монарху и традициям. Советская система, напротив, целенаправленно создавала «новую историческую общность – советский народ», основанную на классовой солидарности и интернациональных ценностях. Исторический опыт государственного строительства показал, что для удержания евразийского пространства необходим масштабный идеологический нарратив, способный трансцендировать этнические интересы ради общей исторической цели.

Сегодня перед обществом стоит задача не просто сохранить, но и творчески переосмыслить наследие прошлого, интегрировав его в современный контекст. Российское государство выбрало такой ориентир: органичное соединение традиционных духовно-нравственных ориентиров с достижениями современной цивилизации.

Таким образом, изучение исторического опыта единения народов России является важным инструментом для понимания механизмов сохранения гражданского мира и согласия. Это, в свою очередь, способствует укреплению государства-цивилизации и обеспечивает устойчивое развитие многонационального общества в долгосрочной перспективе.

1.2. Преемственность и разрывы в понимании национального единства в постсоветский период

Постсоветский этап развития России ознаменовался необходимостью поиска новых оснований для консолидации общества. Этот запрос возник на фоне идеологического вакуума, сформировавшегося после распада марксистско-ленинской доктрины. Анализ данного периода позволяет выявить сложную диалектику: с одной стороны – преемственность определенных исторических паттернов, с другой – радикальные разрывы с прежней системой ценностей.

Наиболее глубокий разрыв наблюдался в 1990-е годы. В это десятилетие произошел отказ от мессианских универсалистских установок, характерных для имперского и советского периодов. На смену им пришли попытки построения модели «гражданской нации» по западным образцам.

Разрывы проявляются в отказе от прежних идеологических конструкций, замене коммунистической идеологии либерально-демократическими ценностями и усилением внимания к вопросам этнокультурного разнообразия.

В современной российской науке сформировался обширный корпус исследований, посвященных комплексному изучению драматического перехода от советской модели государственности к постсоветской реальности. Особое внимание уделяется анализу кризиса межнациональных отношений, институционального распада СССР и последующих попыток формирования **новой национальной политики** как в России, так и в других странах СНГ.

На основе научных работ мы выделили последовательность этапов этого процесса.

1. **Деструктивный этап «Кризис системы»** (концепция М. А. Ильгасовой⁹) – период нарастания системных противоречий, обострения межнациональных конфликтов и ослабления институциональных основ союзного государства. Характеризуется распадом прежних механизмов регулирования межэтнических отношений и нарастанием центробежных тенденций.

2. **Институциональный этап «Политическая трансформация»** (исследования Н. П. Медведева¹⁰) – время формирования новых политических институтов, перераспределения властных полномочий и становления независимых государств на постсоветском пространстве. Акцент смещается на создание правовой базы и механизмов государственного управления

3. **Идеологический этап «Рождение новых этнократий»** (Б.А. подход Шмелева¹¹) – этап становления новых идеологических конструкций, в рамках которых этнический фактор становится важным элементом политической мобилизации. Формируются локальные этнополитические элиты и новые модели национальной идентичности

4. **Конструктивный этап «Научный подход к управлению»** (разработки А. Е. Загребина¹²) – переход к научно обоснованным стратегиям регулирования межнациональных отношений. На первый план выходят экспертные оценки, социологические исследования и разработка долгосрочных концепций национальной политики, нацеленных на гармонизацию межэтнического взаимодействия.

⁹ Ильгасова М. А. Межнациональные отношения в СССР во времена перестройки // СССР как попытка построения новой коммунистической цивилизации. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2023. С. 66—69.

¹⁰ Медведев Н. П. Политическая история 90-х: реформа государственного устройства современной России Часть 1 // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2024. Т. 11. №3 (37). С. 79—84.

¹¹ Шмелев Б. А. Особенности становления идеологии и политики национализма в постсоветских государствах // Власть. 2025. Т. 33. № S1. С. 98—109.

¹² Загребин А. Е. Государственная национальная политика в постсоветский период: научное обеспечение формирования и реализации // НИР: грант №21-011-31758. Российский фонд фундаментальных исследований. 2021.

Анализ научных работ позволяет проследить эволюцию «национального вопроса» на постсоветском пространстве через ряд последовательных трансформаций:

«От единства к дезинтеграции» (концепция М. А. Ильгасовой). Период Перестройки выявил системные недостатки позднесоветских механизмов регулирования отношений с этно-политическими элитами. Накопившиеся противоречия и ослабление центра привели к неминому распаду союзного государства.

Смена идеологических парадигм (исследования Б. А. Шмелева). На смену универсалистскому проекту интернационализма пришел национально-государственный эгоизм. Новая модель акцентировала приоритет национальных интересов отдельных государств, что создало серьезные вызовы для региональной безопасности и стабильности.

«В поиске новой идентичности России» (анализ Н. П. Медведева). В 1990-е годы предпринимались попытки юридически оформить этнокультурное многообразие страны в рамках федеративной модели. Ключевой задачей было предотвратить развитие событий по «югославскому сценарию» – избежать эскалации межнациональных конфликтов и дезинтеграции.

«От лозунгов к научному осмыслению» (подход А. Е. Загребина). Современный этап характеризуется осознанием необходимости научно обоснованной национальной политики. Этническое разнообразие перестает восприниматься как источник потенциальных рисков и начинает рассматриваться как стратегический ресурс развития при условии грамотного управления.

Таким образом, прослеживается путь от стихийного распада прежней идеологической системы к целенаправленному строительству национальных государств. Россия в этом контексте выступает как сложная федеративная модель, сочетающая научно обоснованные подходы и исторический опыт для поддержания гражданского мира и гармонизации межэтнических отношений.

Постсоветский период ознаменовался возникновением комплекса сложных вызовов для государств на территории бывшего СССР. Среди наиболее острых проблем:

- проявления регионализма, связанные с усилением локальных элит и стремлением к автономии;
- риски сепаратистских тенденций, обусловленные историческими и этнокультурными особенностями отдельных территорий;
- напряженность в межэтнических отношениях, порой перерастающая в открытые конфликты.

Эти вызовы диктуют необходимость разработки инновационных моделей национального единства, способных учитывать многообразие социокультурных групп и сложность современных общественных процессов.

Распад СССР и последующее становление новых независимых государств привели к глубокой трансформации представлений о национальном единстве. При этом наблюдается определенная преемственность с советским периодом: сохраняется значимость исторического прошлого как основы коллективной идентичности, традиционные ценности продолжают играть роль связующего элемента общества. Вместе с тем происходят существенные изменения в понимании национальной идентичности, которые обусловлены необходимостью адаптации к новой геополитической реальности, трансформацией международных отношений и интеграционных процессов и внутренними реформами, неизбежно затрагивающими политическую, экономическую и социальную сферы.

На рубеже 2000-х и 2010-х годов в российском общественном сознании произошел заметный сдвиг – возродилась концепция России как «государства-цивилизации». Этот поворот не был случайным: он стал результатом поиска устойчивых оснований национальной иден-

тичности в условиях глобальных трансформаций. Реанимация классических идей русской мысли в тот период происходит в обновленном виде, а именно:

- **державность** переосмысливается как способность страны сохранять суверенитет и играть самостоятельную роль в мировой политике;

- **соборность** трансформируется в идею социального согласия – необходимости консолидации общества перед лицом внешних и внутренних вызовов;

- **государство** выступает хранителем стабильности и традиций.

Синтез двух исторических пластов – **дореволюционной традиции** с ее акцентом на самобытности российской цивилизации и **советского наследия** с его патерналистской моделью государства, заботящегося о благосостоянии граждан – дает современное понимание национального единства. При этом происходит принципиальный сдвиг в самой концепции идентичности. В отличие от прошлых эпох, где доминировали классовые или сословные критерии, сегодня на первый план выходит защита **«традиционных духовно-нравственных ценностей»** как ответ на две ключевые проблемы современности: глобализацию и атомизацию. Уточним данные понятия в контексте исследования единства народов России. **Глобализация**, которая, с одной стороны, открывает новые возможности, а с другой – угрожает культурной самобытности, размывая локальные идентичности. **Атомизация общества** – процесс ослабления социальных связей, ведущий к росту индивидуализма и отчуждения между людьми.

Таким образом, современное понимание национального единства представляет собой динамичный баланс: с одной стороны – опора на историческое наследие, с другой – адаптация к новым реалиям через актуализацию традиционных ценностей как инструмента консолидации общества.

1.3. Идея единства в условиях глобальных вызовов современности

Развитие цифровых технологий, изменение социальных структур, миграционные потоки и расширение межкультурных взаимодействий создают новую реальность, в которой традиционные модели взаимодействия между странами и народами уже не справляются с возникающими вызовами. Человечество XXI века, переживая период глубоких трансформаций, задавалось фундаментальным вопросом: как обеспечить устойчивое развитие в условиях растущей сложности и взаимозависимости? Одним из действенных способов выживания цивилизации в современных условиях может стать **единство и сотрудничество**.

Проследим эволюцию идеи «**единства**» – от абстрактного гуманитарного представления до фундаментальной основы существования современного государства в правовом и онтологическом измерениях.

М. В. Салимгареев¹³ изучает идею единства сквозь призму исламской антропологии. В его концепции единство человечества предстает как **гуманитарный идеал**, опирающийся на представление об общем происхождении людей, универсальные моральные ценности, религиозно-этическую связь между индивидами. Так называемое «**вертикальное**» **измерение единства** выстраивает связь человека с высшими духовными началами и задает нравственные ориентиры для межличностных отношений.

В. И. Антоненко¹⁴ расширяет трактовку единства до масштабов до русского космизма. Человек воспринимается как неотъемлемая часть Вселенной, а осознание целостности мироздания становится условием выживания современной цивилизации. В контексте современной цивилизации эта идея становится условием выживания: осознание мира как единого целого диктует необходимость коллективной ответственности.

П. П. Баранов¹⁵ сосредотачивается на **конституционно-правовом аспекте** идеи единства. Поправки 2020 года закрепили этот принцип в российском законодательстве, придав ему четкое юридическое оформление. В рамках данного подхода единство выступает:

- инструментом обеспечения социальной стабильности;
- механизмом консолидации многонационального народа;
- основой формирования единого правового пространства.

Г. Э. Адыгезалова¹⁶ связывает идею единства с суверенитетом и безопасностью. В условиях глобальных трансформаций 2023 года единство государства перестает быть просто лозунгом и становится жестким требованием национальной безопасности. Без внутреннего единства невозможно сохранение внешнего суверенитета.

Л. В. Денисова¹⁷ в работе 2025 года подводит итог, рассматривая единство как онтологический конструкт. Оно пронизывает само «бытие» российского общества. Это уже не просто

¹³ Салимгареев М. В. Идея общечеловеческого единства как гуманитарный концепт в исламской антропологии // Архонт. 2020. №6 (21). С. 65—72.

¹⁴ Антоненко В. И. Значение идеи единства мира и человека в развитии современной цивилизации // Русский космизм: история и современность. Сборник трудов по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции. 2022. С. 47—51.

¹⁵ Баранов П. П. Совершенствование конституционных основ национального единства российского общества // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. №4. С. 64—70.

¹⁶ Адыгезалова Г. Э. Трансформация понятий «суверенитет» и «безопасность» и идея государственного единства // Российское право онлайн. 2023. №3. С. 5—10.

¹⁷ Денисова Л. В. Идея единства как онтологический конструкт современного российского общественного сознания // Государственное управление в правоохранительной сфере. Сборник статей. М., 2025. С. 92—95.

политическая цель, а базовая характеристика общественного сознания, определяющая восприятие реальности и образ будущего.

Идея единства в современной интеллектуальной повестке России прошла путь трансформации от философской категории до стратегического ресурса выживания.

Нами сформулированы ключевые тезисы вывода:

1. Многоаспектность концепции единства. Идея единства в современной научной дискуссии раскрывается через несколько взаимосвязанных измерений:

- **духовно-нравственное** (по М. В. Салимгарееву) – как чувство глубинного родства между людьми, основанное на общих этических ценностях и мировоззренческих установках;
- **космологическое** (в трактовке В. И. Антоненко) – как осознание сопричастности человека космическому порядку, единства микрокосма и макрокосма;
- **нормативно-правовое** (согласно подходу П. П. Баранова) – как закрепленный в законодательстве принцип, обеспечивающий целостность государства и социальную стабильность;
- **стратегическое** (в исследованиях Г. Э. Адыгезаловой) – как необходимое условие национальной безопасности и устойчивости общества перед внешними и внутренними вызовами.

2. Эволюция научных подходов к пониманию единства. Анализ публикаций последних лет демонстрирует явную динамику в осмыслении этой категории:

В работах 2020—2022 гг. доминировал **гуманитарно-философский ракурс**: ученые сосредотачивались на этических, культурных и антропологических аспектах единства, рассматривая его как мировоззренческую ценность.

В исследованиях 2023—2025 гг. на первый план выходит **прикладное измерение**: единство трактуется как практический инструмент защиты государственности, средство обеспечения суверенитета и противодействия дезинтеграционным процессам.

3. Цивилизационная роль единства. Для России идея единства приобретает особое значение. Будучи **системообразующим элементом** общественного сознания, идея единства вокруг себя выстраивает новые модели гражданской идентичности, стратегии национальной консолидации, механизмы противодействия внешним и внутренним угрозам.

Однако путь к подлинному единству тернист. На нем встречаются серьезные препятствия:

- **культурные различия** – несовпадение ценностей, традиций и моделей поведения;
- **экономические диспропорции** – неравномерное развитие стран и регионов, конкуренция за ресурсы;
- **политические разногласия** – борьба интересов, геополитическая конкуренция, различия в системах управления.

Парадокс современности: единство не может достигаться ценой уничтожения разнообразия. Напротив, его сила – в умении **интегрировать различия** в общую стратегию развития. Такое понимание единства позволит преодолеть недоверие, стереотипы и предубеждения, создать основу для конструктивного диалога между культурами и превратить многообразие традиций в ресурс устойчивого развития.

Полагаем, что для продвижения по этому пути необходимо:

- развивать **диалог цивилизаций** как способ обмена опытом и взаимного обогащения;
- создавать **практические механизмы международного сотрудничества** – от двусторонних соглашений до глобальных платформ;
- формировать **общее мировоззрение**, в котором взаимное уважение и осознание общей судьбы станут базовыми ценностями.

В России идея национального единства также проходит этап переосмысления. С одной стороны, страна стремится сохранить свою культурную идентичность и самобытность в условиях глобализации. С другой – интеграция в мировое сообщество требует поиска новых форм

коллективной идентичности, способных сочетать традиции с современными вызовами. Это предполагает переосмысление концепции единства как динамичного баланса между сохранением уникальности и открытостью к диалогу.

Российские философы и общественные деятели активно обсуждают возможности:

1. **Гармонизации традиций и инноваций ;**
2. **Этнического разнообразия ;**
3. **Гражданской солидарности.**

На современном этапе сформировано комплексное междисциплинарное исследование **диалектики взаимодействия традиций и инноваций** в различных сферах жизни современного общества: от материальной культуры и сельского хозяйства до образования и права. Авторы рассматривают «традицию» как живой фундамент, на котором выстраиваются «инновации».

Взаимодействие традиций и инноваций становится ключевым вопросом для многих сфер общественной жизни. Разберем, как эта дилемма решается в экономике, образовании и праве.

В региональной экономике В. Л. Меленкин, А. А. Карпусенко¹⁸ показывают, что «креативные индустрии» достигают успеха не через следование моде или копирование зарубежных моделей, а через осмысленное соединение, с одной стороны, локального культурного бэкграунда (местных традиций, исторических практик, коллективной памяти, с другой, современных бизнес-подходов (цифровых инструментов, гибких стратегий, маркетинговых решений). Э. М. Г. Зильпукарова, Р. И. Сефербеков¹⁹, на примере одежды народов Дагестана показывают, как этнический код адаптируется к глобальным трендам.

В образовании наблюдается схожий поиск баланса. С. А. Алиева, Л. С. Магомедова²⁰ формулируют идею «гармонизации» – школа должна одновременно выполнять свою воспитательную миссию, опираясь на национальные традиции, и осваивать новые педагогические технологии: цифровые платформы, проектное обучение, междисциплинарные подходы.

Э. Р. Мансурова²¹ подчеркивает опасность одностороннего движения: инновации, лишённые ценностной основы, превращаются в набор формальных инструментов, не влияющих на развитие личности. С. О. Алексеева²² дополняет эту мысль, выделяя «преемственность» как механизм сохранения национальной художественной школы. Благодаря преемственности традиции не консервируются, а развиваются, отвечая на запросы времени.

В правовой сфере К. Д. Магомедова²³ анализирует конфликт скоростей: научно-технический прогресс развивается быстрее, чем законодательство успевает его регулировать. Однако право не может просто копировать новые реалии – оно обязано сохранять фундаментальные принципы справедливости и защиты прав, разрабатывать адаптивные механизмы для регулирования технологий, учитывать культурно-исторический контекст.

¹⁸ Меленкин В. Л., Карпусенко А. А. Синтез традиций и инноваций: модели развития креативных индустрий на региональном уровне // Экономика и экология территориальных образований. 2025. Т. 9. №2. С. 6—13.

¹⁹ Зильпукарова Э. М. Г., Сефербеков Р. И. Современная городская женская одежда народов Дагестана: традиции и инновации // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 35. №1. С. 18—28.

²⁰ Алиева С. А., Магомедова Л. С. Гармонизация традиций и инноваций в парадигме современной российской школы // Профессиональная идентичность современного педагога: новые грани и традиционные ценности. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала, 2025. С. 24—30.

²¹ Мансурова Э. Р. Инновации и традиции в образовании // Педагогика, образование и воспитание: актуальные вопросы теории и практики. Сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза, 2023. С. 100—102.

²² Алексеева С. О. Преемственность как способ гармонизации традиций и инноваций в художественно-педагогическом образовании // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. №3 (59). С. 340—346.

²³ Магомедова К. Д. Конкуренция традиций и инноваций в российской правовой системе в сфере науки и образования // Традиции и новации в системе современного российского права. Материалы Международного конгресса молодых ученых. В 3-х томах. М., 2024. С. 68—70.

И. Н. Сенин и Н. В. Филина²⁴ определяют правовое просвещение молодежи как синтез классических этических норм и новых интерактивных форматов передачи знаний.

4. Прагматический аспект традиций и инноваций касательно сельского хозяйства. Г. Худайбергенова, Я. Худайбердиев, Х. Халимов и др.²⁵ демонстрируют, что в аграрном секторе инновации (AgTech, новые сорта, автоматизация) являются залогом продовольственной безопасности, но они наиболее эффективны, когда учитывают накопленный веками опыт земледелия и климатические особенности региона (традиции).

Опираясь на концепцию сочетания традиции и инновации, нами предлагается **формула современного развития**.

1. **Инновация как способ сохранения традиции**: традиция в XXI веке выживает только тогда, когда она находит новые формы выражения (в одежде, в методах обучения, в цифровом праве). Без инноваций традиция превращается в музейный экспонат.

2. **Традиция как предохранитель инноваций**: «инновация ради инновации» опасна, традиция обеспечивает устойчивость системы, ее этический и ценностный каркас.

3. **Гармонизация, синтез традиции и инновации**: традиция дает содержание и идентичность, а инновация – инструментарий и эффективность.

Успех модернизации напрямую зависит от того, насколько глубоко инновации интегрированы в местную почву традиционных ценностей.

Мы пришли к выводу о том, что конфликт между традицией и инновацией является мнимым. На самом деле это две стороны одного процесса эволюции общества, где традиция обеспечивает связь времен, а инновация – ответ на вызовы будущего.

В исследованиях **этнокультурного многообразия** России как уникального стратегического ресурса многонациональность (полиэтничность) предстает как фундамент государственной устойчивости, культурного богатства и социально-экономического потенциала.

Тематический анализ позволил нам структурировать существующие **уровни исследования этнокультурного многообразия**:

1. **Государственно-ценностный уровень** (Е. С. Шакирова²⁶, Л. Н. Анохина, К. А. Забара²⁷);

2. **Региональная специфика и этноконфессиональный баланс** (Л. А. Багдасарян²⁸, А. С. Архипова²⁹);

3. **Механизмы сохранения идентичности, или неотрадиционализм** (Ю. В. Попков³⁰);

²⁴ Сенин И. Н., Филина Н. В. Традиции и инновации в правовом просвещении молодежи // Инновационная экономика и общество. 2021. №4 (34). С. 68—72.

²⁵ Худайбергенова Г., Худайбердиев Я., Халимов Х. Сельское хозяйство: традиции и инновации // In Situ. 2024. №10. С. 110—112.

²⁶ Шакирова Е. С. Многонациональная Россия: сущность государственных ценностей в контексте культурного и этнического разнообразия // XVII Ждановские чтения. Наука, педагогика и наставничество на юге России. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященные памяти Ю. А. Жданова. Ростов-на-Дону, 2023. С. 202—208.

²⁷ Анохина Л. Н., Забара К. А. Этническое разнообразие России как культурное богатство страны // Перспективные научные исследования высшей школы. Материалы студенческой научной конференции. Рязань, 2024. С. 204—205.

²⁸ Багдасарян Л. А. Ставропольский край: этническое разнообразие как социокультурный потенциал // Этнокультурное образование: практический опыт и перспективы в профилактике межэтнической напряженности. Материалы V и VI Межрегиональных научно-практических конференций. Орел, 2023. С. 59—63.

²⁹ Архипова А. С. Влияние этноконфессионального пространства Сибири на этническое разнообразие и межконфессиональные отношения // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул, 2025. С. 195—199.

³⁰ Попков Ю. В. Роль неотрадиционализма в сохранении этнокультурного разнообразия и развития отдельных этнических сообществ (на примере малочисленных народов Севера) // Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г. М. Василевич. Тезисы докладов всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию Глафиры Макарьевны Василевич. Российская академия наук, Федеральный исследовательский центр «Якутский научный центр СО РАН», Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Национальная библио-

4. Информационное сопровождение и репрезентация (Н. Б. Бугакова, Е. М. Карманов³¹).

Е. С. Шакирова и Л. Н. Анохина совместно с К. А. Забарой обосновывают тезис о том, что этническое многообразие является неотъемлемой частью «российского кода» и базовой государственной ценностью. Россия рассматривается как цивилизация, сила которой – в единстве множества культур.

Л. А. Багдасарян на примере Ставрополя показывает, как многонациональный состав региона превращается в «социокультурный потенциал» – ресурс для развития территорий через диалог и сотрудничество. А. С. Архипова анализирует Сибирь, подчеркивая неразрывную связь этнического и религиозного факторов. Стабильность в таких макрорегионах держится на выверенных межконфессиональных отношениях и уважении к традициям каждой группы.

Ю. В. Попков вводит понятие «неотрадиционализма». На примере малочисленных народов Севера он доказывает, что сохранение этноса сегодня невозможно без адаптации традиций к современности, подразумевает не «замораживание» прошлого, а активное использование традиционных навыков и ценностей для выживания и развития этнических сообществ в условиях глобализации.

Н. Б. Бугакова и Е. М. Карманов указывают на роль СМИ в формировании образа многонациональной страны. То, как медиа освещают этническое развитие, напрямую влияет на уровень толерантности в обществе. Информационное пространство должно работать на созидание и отражать реальное разнообразие культур, предотвращая конфликты и укрепляя общероссийское единство.

На основе анализа данных работ можно сделать следующие выводы о **состоянии и будущем этнокультурного пространства России**:

1. Смена парадигмы: от «проблемы» к «потенциалу». Все авторы сходятся во мнении, что этническое разнообразие – это не бременение, а колоссальное преимущество («культурное богатство»). Задача государства – перевести это богатство в капитал развития, социальный, экономический, имиджевый и прочее.

2. Неотрадиционализм как стратегия будущего. Сохранение малых народов и их культур невозможно через простую изоляцию. Единственный путь – синтез традиционного образа жизни с современными социальными и экономическими институтами (тезис Ю. В. Попкова).

3. Единство через многообразие. Сила российского государства напрямую зависит от того, насколько гармонично сосуществуют этносы в регионах (Сибирь, Кавказ). Межконфессиональный мир и этнический диалог – это не статические состояния, а результат постоянной работы институтов гражданского общества и СМИ.

4. Медиа-ответственность. В эпоху цифровизации СМИ становятся ключевым инструментом управления этнокультурными процессами. От качества медиа-контента зависит, будет ли этническое разнообразие фактором консолидации или точкой напряжения.

Исследования подтверждают, что этнокультурное многообразие – это «мягкая сила» России. Успешное будущее страны авторы видят в сохранении уникальных традиций каждого народа (особенно малочисленных) при одновременном укреплении общегражданских ценностей и эффективном использовании этого многообразия в интересах всего общества.

тека Республики Саха (Якутия), Министерство по развитию Арктики и делам народов Севера Республики Саха (Якутия). 2020. С. 128—129.

³¹ Бугакова Н. Б., Карманов Е. М. Этническое развитие и разнообразие в СМИ // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции. Воронеж, 2025. С. 189—192.

Одним из ключевых условий существования и развития современного общества является **гражданская солидарность**. В современной исследовании солидарность осмысливается с разных ракурсов:

1. **Институциональный и правовой** (М. С. Воробьева³², Е. А. Кляченков³³, Н. Н. Пшеничная³⁴);

2. **Культурно-смысловой** (М. М. Мchedлова, О. Л. Саркисян³⁵);

3. **Прикладной** (Ю. Т. Булыга³⁶);

4. **Социально-психологический** (Д. О. Левченко, Д. Е. Филиппов³⁷).

М. С. Воробьева обосновывает, что солидарность – это не только моральная категория, но и принцип гражданского права. Она переводит абстрактное понятие «взаимопомощи» в плоскость юридических норм и ответственности, что критически важно для устойчивости рыночных и социальных отношений.

Е. А. Кляченков и Н. Н. Пшеничная рассматривают солидарность как «жизненную силу» гражданского общества. Для них это пространство постоянного взаимодействия (интеракции), где частные интересы отдельных людей гармонизируются ради общего блага. Без этого принципа гражданское общество превращается в механический набор индивидов.

М. М. Мchedлова, О. Л. Саркисян ставят важный вопрос: как достичь единства в условиях культурного и смыслового разнообразия? Ответ кроется в гражданской идентичности. Солидарность здесь выступает результатом осознания людьми своей принадлежности к единому государству и обществу, несмотря на этнические или религиозные различия.

Ю. Т. Булыга переводит теорию в плоскость практики воспитания. На примере молодых призывников показано, как гражданская солидарность трансформируется в личную ответственность перед страной. Солидарность здесь выступает инструментом социализации, превращая внешнее требование закона во внутреннее убеждение личности.

Д. О. Левченко, Д. Е. Филиппов вскрывают внутренние механизмы солидарности. Они доказывают, что готовность людей объединяться в локальные сообщества напрямую зависит от их психологического благополучия. Человек, чувствующий себя в безопасности и комфорте, более склонен к проявлению гражданской активности и солидарности с окружающими.

Анализ работ позволяет синтезировать **комплексную модель гражданской солидарности в России**:

1. **Солидарность как «социальный клей»** является фундаментом, на котором строится доверие в обществе, универсальным механизмом, который связывает частное право (М. С. Воробьева), личную психологию (Д. О. Левченко) и государственные задачи (Ю. Т. Булыга).

³² Воробьева М. С. Принцип солидарности в гражданском праве и его роль в развитии гражданского общества // Проблемы становления гражданского общества. сборник статей VIII Международной научной студенческой конференции. Университет прокуратуры Российской Федерации. Иркутск, 2020. С. 27—30.

³³ Кляченков Е. А. Гражданское общество как сфера интеракции и солидарности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. №6—2 (45). С. 10—19.

³⁴ Пшеничная Н. Н. Солидарность как принцип жизнедеятельности гражданского общества // Общество, экономика и право: вызовы современности и тенденции развития. Сборник статей по материалам II Международной научно-практической конференции. Волжский, 2020. С. 346—349.

³⁵ Мchedлова М. М., Саркисян О. Л. Гражданская идентичность: разнообразие смыслов и достижение солидарности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. №4. С. 648—658.

³⁶ Булыга Ю. Т. Гражданская солидарность как компонент социальной модели формирования гражданской ответственности молодых призывников // Обзор педагогических исследований. 2024. Т. 6. №5. С. 294—299.

³⁷ Левченко Д. О., Филиппов Д. Е. Социально-психологическое благополучие как фактор актуализации гражданской солидарности локальных сообществ // Южно-российский журнал социальных наук. 2024. Т. 25. №1. С. 66—79.

2. Многоуровневость феномена. Солидарность не возникает сама по себе, она формируется через идентичность (смысловой уровень), поддерживается правом (институциональный уровень) и проявляется в интеракциях (коммуникативный уровень).

3. Переход от «я» к «мы». Весомым является тезис о том, что солидарность не подавляет индивидуальность, а дает ей направление. Через осознание общности (гражданскую идентичность) происходит формирование ответственного гражданина, готового к выполнению гражданского долга.

4. Зависимость от качества жизни. Солидарность – это ресурс, который «актуализируется» только в здоровой среде. Социально-психологическое благополучие граждан является необходимым условием для того, чтобы локальные сообщества перешли от разобщенности к конструктивному сотрудничеству.

Единодушие исследователей заключается в том, что гражданская солидарность – это высшая форма социальной интеграции, которая объединяет правовые нормы, государственные ценности и личные стремления граждан, превращая население в полноценное гражданское общество, способное к самоорганизации и развитию.

В современных условиях идея единства остается в центре научных дискуссий и общественных дебатов. Она отражает стремление российского общества не просто адаптироваться к стремительно меняющейся реальности, но и сохранить свою особую историческую миссию в глобальном развитии.

На фоне растущей нестабильности мировой системы концепция национального и гражданского единства перестает быть лишь абстрактным социально-философским понятием. Сегодня она превращается в **жизненно важный приоритет**, напрямую связанный с обеспечением государственного суверенитета.

Особую значимость в данном контексте приобретает **диалектика «внешней угрозы» и «внутренней интеграции»**.

Рассмотрим, как современные исследователи анализируют трансформацию международных отношений и роль интеграционных процессов в формировании нового миропорядка. Особое внимание уделяется отходу от классических западных моделей интеграции и поиску суверенных путей развития – прежде всего в евразийском и восточном направлениях.

1. Теоретико-методологические подходы

С. А. Сидоров и В. А. Смоляков³⁸ подчеркивают, что в эпоху комплексной взаимозависимости границы между внутренней и внешней политикой становятся все более условными. В этих условиях интеграция перестает быть добровольным выбором и превращается в структурную необходимость для выживания государства.

Я. Ю. Моисеенко³⁹ анализирует противостояние двух парадигм:

- реализма, ставящего во главу угла национальные интересы;
- либерализма, делающего акцент на общих правилах и институтах.

Ученый выявляет феномен «конформизма» – тенденцию государств подстраивать свою политику под требования международных организаций и объединений, порой в ущерб собственным интересам.

М. Ф. Равшанов⁴⁰ отмечает необходимость пересмотра классических теорий интеграции в свете глобальных геополитических сдвигов. По его мнению, традиционные модели уже

³⁸ Сидоров С. А., Смоляков В. А. Об интеграции и комплексной взаимозависимости и взаимопроникновении внутренней и международной политики // Право и государство: теория и практика. 2023. №4 (220). С. 103–107.

³⁹ Моисеенко Я. Ю. Дискурс конформизма в вопросе международной интеграции: между реализмом и либерализмом // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. №4. С. 162–176.

⁴⁰ Равшанов М. Ф. Теория интеграции в современном контексте геополитических изменений // Климатическая политика и низкоуглеродная экономика. Менеджмент. Социология. Экономика. Материалы 61-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 2023. С. 39–40.

не способны адекватно объяснять динамику современных международных отношений, требуя новых концептуальных подходов.

2. Региональный вектор и «Поворот на Восток»

В. И. Балакин⁴¹ исследует «диалектику» евразийской интеграции – единство и борьбу противоречий внутри ЕАЭС и сопредельных структур. Этот процесс представляет собой постоянный поиск баланса между интеграцией ресурсов и защитой национальных приоритетов.

Один из ведущих российских экспертов в области международных отношений А. Д. Богатуров⁴² предлагает новое прочтение роли Востока в мировой политике. Он аргументирует, что российская внешнеполитическая стратегия окончательно отошла от европоцентризма. Сегодня Китай, Индия и другие восточные державы рассматриваются как равноправные центры силы, формирующие новый международный порядок.

3. Безопасность (

М. Г. Мустафаев⁴³ подчеркивает, что интеграция – это экономический, но и стратегический императив, напрямую связанный с выживанием государств. На постсоветском пространстве общие угрозы такие как терроризм, экстремизм и транснациональная преступность, выступают мощнейшим катализатором объединения.

Проанализированные нами работы позволяет сделать следующие выводы о **текущем состоянии глобальной интеграции**:

1. Интеграция как способ укрепления суверенитета. Ранее многие страны стремились копировать модель Европейского союза, видя в ней эталон региональной интеграции. Сегодня ситуация изменилась: особенно в евразийском пространстве интеграция переосмысливается как инструмент защиты национальных интересов.

2. Геополитический разлом: между старым и новым. Мировая система переживает период бифуркации – расхождения траекторий развития. С одной стороны, сохраняется инерция либерального международного порядка с его универсальными нормами. С другой – формируется новая реальность, где приоритет отдается, национальным интересам, суверенитету государств, прагматичному сотрудничеству на основе взаимных выгод. Успех интеграционных проектов теперь зависит от способности стран совмещать открытость экономики с жесткой защитой политических основ.

3. Евразийство как цивилизационный выбор. Геополитический центр тяжести мировой политики смещается в сторону Евразии. Для России евразийская интеграция – это способ вхождения в «клуб» лидеров нового многополярного мира.

4. Безопасность – отправная точка интеграции. В условиях нарастающей глобальной нестабильности и роста террористических угроз военно-политическое сотрудничество выходит на первый план. Оно становится фундаментом, на котором затем выстраиваются экономическое партнерство, инфраструктурные проекты и гуманитарные связи.

Авторы сходятся на том, что эпоха универсальной глобализации сменяется этапом регионализации – формирования гибких интеграционных объединений, способных:

– обеспечивать коллективную защиту от внешних угроз (терроризм, санкции, экономические войны);

⁴¹ Балакин В. И. Диалектика евроазиатской интеграции // Коммунистический Китай. Цели и задачи к столетнему юбилею КПК. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. М., 2021. С. 185—196.

⁴² Богатуров А. Д. Восток в российской внешнеполитической мысли: переосмысление международного порядка // Вестник МГИМО-Университета. 2025. Т. 18. №4. С. 46—65.

⁴³ Мустафаев М. Г. Противодействие международному терроризму в рамках интеграционных объединений на постсоветском пространстве // Актуальные вопросы информационного противодействия распространению идеологии терроризма. Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. Саратов, 2023. С. 100—107.

- предложить альтернативные модели развития
- сочетать экономическую кооперацию с сохранением национальной идентичности и суверенитета.

Социологические данные последних лет демонстрируют, что внешнее давление зачастую выступает катализатором консолидационных процессов, нивелируя периферийные социальные конфликты ради сохранения общесистемной устойчивости. Однако устойчивое единство в долгосрочной перспективе не может базироваться исключительно на реактивных моделях поведения. Оно требует содержательного наполнения – трансляции идеологических императивов, которые были бы интернализованы всеми слоями общества. Речь идет о синтезе традиционных ценностных констант и модернизационных задач, где идея единства кристаллизуется вокруг образа «общего будущего», разделяемого большинством граждан.

Центральным вызовом для реализации этой идеи становится цифровая трансформация публичной сферы. Алгоритмизация информационных потоков и формирование «информационных пузырей» создают риски социальной атомизации, противодействовать которым возможно лишь через проактивную политику ведущих акторов воспроизводства смыслов. Образовательные институты, медиаструктуры и государственные платформы призваны формировать единый ценностно-смысловой каркас, способный удерживать целостность социума вопреки дезинтеграционным трендам глобализации. Таким образом, в условиях современности идея единства трансформируется в динамическую стратегию солидарности, направленную на преодоление когнитивных и институциональных разрывов внутри национального государства.

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ «ЕДИНСТВО НАРОДА»

2.1. Понятие «единство» в классической и современной политической философии: панорама политико-философской мысли

Понятие «единство» выступает в качестве одной из фундаментальных категорий политической мысли, определяющей онтологический статус и отражающей стремление к внутренней согласованности и целостности политического сообщества.

В классической традиции, восходящей к античности, единство трактовалось преимущественно через органическую метафору. Так, в социально-философских построениях Платона и Аристотеля государство мыслится как упорядоченное целое. Согласно Платону, идеальное государство должно быть основано на принципах гармонии и единства, достигаемых благодаря правильному распределению ролей и обязанностей среди граждан. Единство является производным от гармонии его частей и функциональной дифференциации сословий. Аристотель также подчеркивал важность единства, утверждая, что политическая общность возникает именно для достижения общей пользы и блага всех членов общества. В этой парадигме «единство» синонимично «здоровью» политического тела, а его отсутствие – деградации и тирании.

Существенный концептуальный сдвиг происходит в эпоху Нового времени, когда теоретики общественного договора (Т. Гоббс, Дж. Локк) переводят категорию единства из области естественной органики в сферу рационального конструирования. Для Т. Гоббса единство политического тела (Левиафана) – это искусственный результат преодоления естественного состояния «войны всех против всех». Здесь «единство» тождественно суверенитету: оно достигается не за счет внутреннего родства индивидов, а через репрезентативное представительство в лице суверена, превращая разрозненное «множество» в единый «народ». Кантианская и гегелевская традиции добавили к этому пониманию этическое и правовое измерение: у И. Канта единство обеспечивается всеобщим правовым законом, а у Г. В. Ф. Гегеля – диалектическим снятием противоречий гражданского общества в государстве как «шествии Бога в мире».

В политической философии XX века понятие единства подверглось радикальной переоценке под влиянием кризиса национальных государств и роста социокультурного плюрализма. К. Шмитт рассматривал политическое единство как результат экзистенциального выбора, основанного на четком разграничении «друг – враг». По его мнению, ключевое условие жизнеспособности политического сообщества – внутренняя гомогенность. Без нее коллектив теряет способность к совместным действиям и самозащите.

Напротив, современная либеральная и делиберативная мысль (Дж. Ролз, Ю. Хабермас) переосмысливает единство как «перекрывающийся консенсус» (частичное совпадение ценностей и интересов у разных групп) или процедурное согласие (готовность следовать общим правилам принятия решений, даже при расхождении мировоззрений).

Современные мыслители предлагают модели демократического консенсуса и справедливого распределения ресурсов, которые позволяют сохранить единство даже в условиях разнообразия мнений и культурных различий.

В современной отечественной науке **феномен единства России изучается с трех фундаментальных сторон:** политической, философской и правовой. Единство для исследо-

вателей представляет собой сложную структуру, которая держится на институтах, идеях и конкретных государственных действиях.

А. В. Глухова⁴⁴ рассматривает единство страны через призму внутривластной повестки. Народное единство – не данность, а продукт ежедневной политической работы. Его устойчивость зависит от того, насколько государственная повестка отражает интересы граждан. Поддерживать единство можно только через эффективное управление и постоянный социальный диалог.

Д. С. Семенова⁴⁵ обращается к классической русской философии «всеединства» (Вл. Соловьев, С. Булгаков и др.), предлагая использовать ее как теоретическую базу для современной национальной политики. С ее точки зрения, Россия – это «органическое целое», где многообразие народов и культур дополняет друг друга в рамках общей духовной и исторической миссии.

К. Х. Ибрагимов⁴⁶ анализирует «единство российской государственности» как нормативно закреплённый принцип. Единство понимается исследователем как целостность системы государственной власти, единство правового пространства и неделимость территории. Для автора это «теоретико-правовой фундамент», без которого невозможна стабильность. Правовые механизмы обеспечивают баланс между федеральным центром и регионами, превращая абстрактное понятие «единство» в конкретный работающий государственный механизм.

Синтез данных работ позволяет нам сделать вывод, что **единство России** представляет собой трехмерную конструкцию (триаду).

1. **Право**, которое создает жесткий «скелет» государства через законы и вертикаль власти (К. Х. Ибрагимов);

2. **Философия**, наполняющая этот скелет «душой» и смыслами, объясняя, почему разные народы хотят жить в одном государстве (Д. С. Семенова);

3. **Политика** как «двигатель», который заставляет систему работать, адаптируя общие ценности к текущим вызовам и нуждам людей (А. В. Глухова).

Исследователи солидарны в том, что устойчивость России возможна только при гармоничном сочетании этих факторов. Юридическая целостность (право) без идеологического наполнения (философия) будет формальной и хрупкой, а высокие идеи без эффективной политической реализации (повестка дня) останутся утопиями. Единство, таким образом, – это одновременно и правовая обязанность, и философское наследие, и результат грамотного политического выбора.

В условиях постмодерна категория единства сталкивается с **вызовом «радикальной инаковости»**, что заставляет современных исследователей искать модели «единства без единообразия».

Для выявления механизмов, удерживающих общество от распада, с одной стороны, и укрепляющих опоры для объединения в условиях глобальных вызовов, с другой стороны, следует рассмотреть проблему единства и интеграции через призму социологии, институциональной теории и сравнительной философии.

Основное внимание Э. Ш. Мусаевой, С. М. Абдуразаковой⁴⁷ сосредоточено на механизмах обеспечения стабильности. Единство здесь понимается как результат активной государ-

⁴⁴ Глухова А. В. Внутривластная повестка дня как фактор единства России // Политическое пространство и социальное время: Глобальные вызовы и цивилизационные ответы. Сборник научных трудов XXXVII Международного Харковского форума. В 2-х томах. Под общей редакцией Т. А. Сенюшкиной. Симферополь, 2021. С. 183—187.

⁴⁵ Семенова Д. С. Философия всеединства и основания национальной политики России // Исторический бюллетень. 2022. Т. 5. №6. С. 163—166.

⁴⁶ Ибрагимов К. Х. Некоторые теоретико-правовые аспекты категории «единство российской государственности» // Право и государство: теория и практика. 2023. №10 (226). С. 14—17.

⁴⁷ Мусаева Э. Ш., Абдуразакова С. М. Обеспечение единства российского общества // Социально-политические и экономические проблемы современной России. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала,

ственной политики и социального взаимодействия. Основной акцент сделан на преодолении внутренних противоречий (этнических, конфессиональных, социальных) внутри российского общества. Авторы рассматривают единство как процесс «сшивания» социального пространства, где ключевую роль играет гармонизация интересов различных групп.

Н. Н. Лебедева⁴⁸ переводит вопрос единства в плоскость интеграционных процессов. Ее ключевой тезис: любое прочное объединение, будь то государство или союз государств, невозможно без «институциональной основы», которой являются ценности. В этой работе единство рассматривается не как формальное соглашение, а как общность смыслов (культуры, этики, истории). Ценности выступают «невидимыми правилами игры», которые делают интеграцию устойчивой и долговечной.

И. В. Гравина⁴⁹ предлагает глубокую рефлекссию самого понятия «единое». Используя метод деконструкции, она сравнивает российский и европейский опыт. Автор анализирует, как понимание единства эволюционировало на Западе (через рациональные договоры и институты) и в России (через поиск соборности или государственной централизации). Орпделеляющее значение имеет понимание рисков «деконструкции» – то есть того, как и почему единство может распасться, и какие специфические черты русского опыта позволяют этого избежать.

Синтез этих исследований, затрагивающих социально-практический, институционально-ценностный и компаративистский анализ, позволяет сделать вывод, что **единство – это многоуровневая система, работающая по следующим законам :**

1. **Закон «ценностного ядра»** (Н. Н. Лебедева): без общих духовных и культурных ориентиров любые попытки объединения остаются хрупкими, при этом ценности – это «фундамент» интеграции.

2. **Закон «управления»** (Э. Ш. Мусаева, С. М. Абдуразакова): вера в единство сама по себе не способна обеспечить консолидацию общества. Необходимы **конкретные механизмы реализации** – социальные и правовые инструменты, выступающие в роли «несущих конструкций» общественного здания.

3. **Закон «исторической уникальности»** (И. В. Гравина): российский опыт формирования общности принципиально отличается от западноевропейской модели, попытки механического заимствования западных подходов могут привести к **деконструкции национальной идентичности** – размыванию ценностных ориентиров и ослаблению социальной сплоченности.

Единство российского общества – это баланс между ценностным кодом народа и эффективным государственным управлением. При этом обязательный учет уникального исторического пути России требует постоянной работы по защите смыслов от внешнего и внутреннего размывания. Современное понимание единства становится более гибким и открытым для учета индивидуальных и групповых особенностей.

Таким образом, эволюция понятия демонстрирует переход от субстанционального понимания единства как «данности» (кровь, почва, традиция) к его интерпретации как «процесса» – непрерывного диалога и поиска консенсуса в условиях неизбежной фрагментации общества.

2023. С. 121—131.

⁴⁸ Лебедева Н. Н. Роль ценностей как институциональной основы формирования интеграционных объединений // Россия на пути гармонизации векторов современных интеграционных процессов. Сборник трудов симпозиума, посвященного памяти и научному наследию Заслуженного деятеля науки РФ Олега Васильевича Иншакова. Волжский, 2024. С. 26—30.

⁴⁹ Гравина И. В. Деконструкция единого: русский и европейский опыт // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5. №2. С. 80—97.

2.2. Единство как социальная онтология: соотношение этнического, гражданского и цивилизационного

В системе координат социальной онтологии единство – это динамический процесс сборки социального бытия, разворачивающийся на нескольких смысловых уровнях. Единство раскрывается как многослойное явление, где **этнический** уровень выражает культурную самобытность народа, определяющую особенности его традиций, обычаев и мировоззрения; **гражданская** составляющая проявляется в принадлежности индивидов к определенному государству, формирующему общее правовое пространство и систему общественных институтов; **цивилизационный** аспект охватывает глобальные процессы культурного взаимодействия и взаимовлияния, характеризующие человечество в целом.

Рассмотрение единства сквозь призму соотношения этнического, гражданского и цивилизационного позволяет эксплицировать сложную архитектуру идентичности, где каждый последующий уровень не отрицает предыдущий, но осуществляет его диалектическое «снятие» (в гегелевском смысле), включая его в более широкий контекст.

Раскроем сущность смысловых уровней единства, представленных на рисунке 1.

Рис. 1. Смысловые уровни единства

Этническое единство выступает в данной иерархии как первичный, органический субстрат социальной онтологии. Оно укоренено в общности происхождения, языка, культурных кодов и исторической памяти «ближнего радиуса». В онтологическом плане этничность обеспечивает индивиду базовое чувство сопричастности и экзистенциальной безопасности. Однако в условиях современного макрообщества этническое единство неизбежно обнаруживает свою партикулярность (частность). Оно не может служить универсальным фундаментом для масштабного государственного строительства, так как ограничено рамками комплементарности «своего» этноса.

Междисциплинарный взгляд на этничность – от философского осмысления «бытия слова» до правовых механизмов государственного регулирования – позволяет рассматривать

этнос как живой, развивающийся организм, существующий в пространстве смыслов, коммуникаций и права. В современных исследованиях выделяется три **уровня этничности**:

1. **Философско-онтологический и феноменологический уровень** (Ж. М. Кучукова⁵⁰, Е. А. Тимошук⁵¹, М. М. Бетильмерзаева⁵²);

2. **Коммуникативно-трансформационный уровень** (А. В. Герасимова⁵³, Ч. К. О. Ламажаа⁵⁴);

3. **Правовой, или государственно-политический, уровень** (А. Н. Мочалов⁵⁵).

Философско-онтологический и феноменологический уровень позволяет выявить внутреннюю природу этничности. Ж. М. Кучукова определяет этнос как неотъемлемую часть «социально-исторического организма», обеспечивающую его устойчивость и преемственность. Е. А. Тимошук через феноменологию показывает, что этнос – это прежде всего «жизненный мир» человека, субъективная реальность, через которую воспринимается бытие. М. М. Бетильмерзаева вводит концепцию «экофилософии этнокультуры», где язык («слово») и природная среда обитания образуют единую экосистему, формирующую уникальный менталитет.

Коммуникативно-трансформационный уровень смещает научный взгляд на взаимодействие и адаптацию. А. В. Герасимова систематизирует теории межэтнической коммуникации, подчеркивая, что в современном мире выживание культур зависит от их способности к диалогу и пониманию «чужого». Анализируя народы Центральной Азии, Ч. К. О. Ламажаа выделяет проблемные поля: как сохранить архаичное «своеобразие» в условиях глобализации и какие механизмы обеспечивают единство региона при культурном многообразии.

Работа А. Н. Мочалова переводит философские и культурные концепции в плоскость государственного строительства. Он анализирует позиции Конституционного Суда РФ, который выступает арбитром между двумя полюсами: необходимостью сохранения государственного единства и защитой прав народов на этнокультурное многообразие.

Проанализированные исследования помогают нам раскрыть **природу современного единства**:

1. Определение этноса как сложного «социального организма» и «экологической ниши».

2. Современное понимание единства отвергает изоляционистские модели. Оно строится на эффективной межэтнической коммуникации и гармонизации традиции и современности.

3. На государственном уровне единство достигается через юридическим признанием многообразия. Конституционная модель России предполагает, что этнокультурное разнообразие является условием укрепления целостности страны.

Итак, единство общества – это система, где этнические культуры сохраняют глубину и самобытности, между ними налажен диалог, а государство гарантирует правовые условия для развития многообразия.

Следующий уровень единства – гражданский. **Гражданское единство** представляет собой следующий онтологический уровень – уровень рационально-правовой интеграции.

⁵⁰ Кучукова Ж. М. Этничность в существовании социально-исторического организма // Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа. Назрань, 2021. С. 97—102.

⁵¹ Тимошук Е. А. Культура и этнос в феноменологической интерпретации // Этнопедагогический ежегодник. Сборник научных статей. Чебоксары, 2021. С. 179—186.

⁵² Бетильмерзаева М. М. Бытие слова в горизонтах экофилософии этнокультуры // Современное профессиональное образование. 2023. №2. С. 80—82.

⁵³ Герасимова А. В. Основные теории и концепции межэтнической коммуникации народов и национальных обществ мира // Сборник работ преподавателей, аспирантов и студентов. М., 2022. С. 105—116.

⁵⁴ Ламажаа Ч. К. О. Единство и своеобразие современных этнических культур народов Центральной Азии: три исследовательских проблемных поля // Новые исследования Тувы. 2020. №4. С. 201—215.

⁵⁵ Мочалов А. Н. Государственное единство и этнокультурное многообразие в позициях конституционного суда Российской Федерации // Уральский Форум конституционалистов. Материалы Девятого форума. Екатеринбург, 2024. С. 111—118.

В отличие от этнической общности, гражданская нация конструируется как сообщество сограждан, объединенных лояльностью к государственным институтам и общим правовым полем. Здесь единство трансформируется из «единства крови и почвы» в «единство воли и закона». Онтологическая значимость гражданского уровня заключается в создании пространства формального равенства, позволяющего сосуществовать различным этническим группам в рамках единой политической системы. Тем не менее, чисто гражданская идентичность часто критикуется за ее «технократизм» и неспособность дать глубокие смысложизненные ответы, превращаясь в сухой формализм без ценностного наполнения.

Переходя от обсуждения этничности и культуры в плоскость практической политики, государственного управления и национальной безопасности, Авторы оценивают **гражданское единство с разных точек зрения**:

1. **Единство** – это результат целенаправленной деятельности государства (И. И. Горлова А. Л. Зорин⁵⁶, А. В. Глухова⁵⁷);

2. Гражданское единство выступает **гарантом стабильности**, фактор устойчивости системы (М. Ю. Попов⁵⁸, И. В. Радиков⁵⁹);

3. **Роль институтов гражданского общества** (З. З. Мирзаева⁶⁰).

Делая упор на ценностном наполнении укрепления общероссийской идентичности, И. И. Горлова и А. Л. Зорин, видят в нем ключевой «национальный проект» и фундамент современной госполитики. А. В. Глухова рассматривает внутривнутриполитическую повестку как инструмент консолидации. Если цели власти и ожидания общества совпадают, повестка становится «клеем», объединяющим нацию вокруг общих задач.

М. Ю. Попов связывает единство с легитимностью народовластия. Без консолидированного общества демократические институты становятся хрупкими, а единство делает российскую государственность жизнеспособной. И. В. Радиков переводит дискурс в сферу национальной безопасности. В его трактовке гражданское единство – это «мягкая сила» и защитный барьер против внешних угроз, попыток дестабилизации и внутреннего раскола. Фрагментированное общество уязвимо, единое – неуязвимо.

З. З. Мирзаева дополняет общую картину, указывая на то, что единство невозможно без развитого гражданского общества и правового государства. Единство не должно быть «навязанным сверху»; оно должно прорасти через активность граждан, защищенную законом, и их осознанное участие в жизни страны.

На основании анализа представленных статей можно сформулировать **концепцию «функционального единства» современной России**, которая включает:

1. **«Инструментальность единства»**, то есть гражданское единство – это главный инструмент обеспечения национальной безопасности (И. В. Радиков) и стабильности государственной системы (М. Ю. Попов), базовое условие суверенитета страны.

⁵⁶ Горлова И. И., Зорин А. Л. Формирование и укрепление общероссийской идентичности и гражданского единства как приоритетные направления современной государственной политики Российской Федерации // Социально-гуманитарные знания. 2023. №2. С. 5—9.

⁵⁷ Глухова А. В. Внутривнутриполитическая повестка дня как фактор единства России // Политическое пространство и социальное время: Глобальные вызовы и цивилизационные ответы. Сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума. В 2-х томах. Под общей редакцией Т. А. Сенюшкиной. Симферополь, 2021. С. 183—187.

⁵⁸ Попов М. Ю. Гражданское единство как гарантия российского народовластия и российской государственности // Вестник Калининградского филиала СПбского университета МВД России. 2024. №1 (75). С. 136—142.

⁵⁹ Радиков И. В. Гражданское единство россиян как фактор упрочения национальной безопасности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2024. Т. 20. №1. С. 122—137.

⁶⁰ Мирзаева З. З. Особенности формирования гражданского общества в правовом государстве // Молодежь и наука: реальность и перспективы развития. сборник материалов XII всероссийской научно-практической конференции. Махачкала, 2025. С. 302—306.

2. **«Общероссийская идентичность»**: формирование общероссийской идентичности (гражданской нации) является приоритетом, который стоит выше узкоэтнических или региональных интересов, не отрицая их (И. И. Горлова, А. Л. Зорин).

3. **«Диалог власти и общества»**: единство, являясь динамическим процессом, поддерживается через актуальную политическую повестку (А. В. Глухова) и развитие институтов гражданского общества (З. З. Мирзаева).

Гражданское единство в России сегодня – это стратегический ресурс безопасности, который обеспечивается через баланс эффективного государственного управления, ясной национальной идеи (идентичности) и правовой активности граждан.

Цивилизационное единство, в нашем представлении, является высшим синтезирующим уровнем социальной онтологии. Оно репрезентирует «большое пространство» и «большое время», объединяя этническое многообразие и гражданские структуры общим аксиологическим (ценностным) ядром. Цивилизационное единство – это единство сверхзадачи, общей исторической судьбы и доминирующего типа духовности. В контексте России как государства-цивилизации именно цивилизационный уровень позволяет преодолеть потенциальный конфликт между этническим и гражданским. Он предлагает мета-идентичность, которая позволяет человеку оставаться представителем своего этноса и гражданином государства, одновременно осознавая себя причастным к уникальному мировому пути.

Самый высокий – цивилизационный и глобальный уровень – позволяют рассматривать Россию не просто как государство, а как уникальный тип цивилизации, обладающий собственным **кодом**, символическим пространством и интеллектуальным наследием.

Тематический анализ работ включает:

1. **Онтология и «генетика» цивилизации** (В. И. Надольская⁶¹, В. А. Казанцева⁶²);

2. **Геополитическое и символическое пространство** (Г. А. Аванесова^{63,64,65,66,67}, С. А. Мальченков⁶⁸);

3. **Космический и ноосферный масштаб** (И. К. Лисеев⁶⁹).

С целью поиска глубоких оснований устойчивости общества, В. И. Надольская вводит понятие «цивилизационного кода». Это внутренняя матрица, которая позволяет сохранять идентичность на протяжении веков, несмотря на внешние потрясения. Единство здесь – это сопричастность общему коду ценностей. В то же время, В. А. Казанцева рассматривает единство культур как ответ на современный «цивилизационный кризис». В мире, где старые смыслы разрушаются, именно философское осмысление единства (как фундаментальной ценности) становится способом выживания человечества.

⁶¹ Надольская В. И. Идентичность и цивилизационный код: взаимодействие в единстве // Актуальные проблемы науки и техники. Материалы I Международной научно-технической конференции. Ижевск, 2021. С. 740—744.

⁶² Казанцева В. А. Философские основания единства культур и цивилизационный кризис в современном мире // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. №8 (466). С. 75—79.

⁶³ Аванесова Г. А. Культурно-средовое многообразие России и цивилизационное единство сообществ Северной Евразии // Социально-гуманитарные знания. 2020. №1. С. 21—47.

⁶⁴ Аванесова Г. А. Культурно-средовое многообразие России и цивилизационное единство сообществ Северной Евразии // Социально-гуманитарные знания. 2020. №2. С. 77—94.

⁶⁵ Аванесова Г. А. Культурно-средовое многообразие России и цивилизационное единство сообществ Северной Евразии // Социально-гуманитарные знания. 2020. №3. С. 53—69.

⁶⁶ Аванесова Г. А. Культурно-средовое многообразие России и цивилизационное единство сообществ Северной Евразии // Социально-гуманитарные знания. 2020. №5. С. 19—36.

⁶⁷ Аванесова Г. А. Культурно-средовое многообразие России и цивилизационное единство сообществ Северной Евразии // Социально-гуманитарные знания. 2020. №6. С. 46—70.

⁶⁸ Мальченков С. А. Цивилизационное единство постсоветского пространства: символические компоненты // Современные философские исследования. 2023. №3. С. 102—111.

⁶⁹ Лисеев И. К. В.И. Вернадский: от единства знания к царству разума (цивилизационные мотивы) // Проблемы цивилизационного развития. 2020. Т. 2. №1. С. 20—34.

Осмысливая единство через территорию и знаки, Г. А. Аванесова обосновывает роль России как ядра «Северной Евразии». Цивилизационное единство по мнению автора, отраженное в цикле работ, держится на культурно-средовом многообразии: разные народы и ландшафты объединяются в общую систему, сохраняя свою уникальность. С. А. Мальченков фокусируется на «символических компонентах» (общая история, язык, праздники, памятные знаки). Для постсоветского пространства символы – это та невидимая ткань, которая продолжает связывать народы даже после политического распада.

Работа И. К. Лисеева через идеи В. И. Вернадского поднимает планку до «планетарного единства». Единство знаний и «царство разума» (ноосфера) – это высшая стадия цивилизационного развития. В данном случае Россия рассматривается как колыбель русского космизма, предлагающего миру модель единства не на основе силы, а на основе общего разума и ответственности за планету.

Современные исследования самосознания в условиях полиэтничного общества все чаще отказываются от упрощенных трактовок идентичности в пользу концепции «многослойности». Согласно этому подходу, этническое происхождение не вступает в конфликт с гражданской принадлежностью, а, напротив, обогащает ее, формируя сложную, многоуровневую структуру самосознания.

А. В. Иванов и С. М. Журавлева⁷⁰ предлагают трехуровневую модель идентичности, где национально-культурная идентичность – связь с конкретным этносом и его традициями, гражданская – осознание себя частью политической нации (гражданином России), цивилизационная – принадлежность к широкому культурно-историческому миру («Русскому миру» или евразийской цивилизации). Уровни не должны находиться в состоянии конфликта. Напротив, **цивилизационная идентичность выполняет роль интеграционного «купола»**, который позволяет разным этносам сосуществовать в рамках единого государства, сохраняя при этом свою уникальность.

А. С. Мелибаев⁷¹ исследует механизмы взаимодействия этнического и гражданского. Он ставит вопрос о том, как сделать так, чтобы сильная этническая идентичность не вела к сепаратизму, а сильная гражданская – к потере корней. Его анализ показывает, что гражданская идентичность должна быть первичной в политическом поле, а этническая – сохраняться в культурном, создавая устойчивый общественный договор.

Исследование П. М. Кольцова, С. А. Умгаева и В. В. Батырова⁷²) на примере калмыцкого народа демонстрирует, как этнос успешно интегрируется в общероссийское и глобальное пространство, не утрачивая собственной культурной самобытности. Ученые показывают, как современный этнос успешно интегрирует глобальные и общероссийские тренды, сохраняя уникальный «генетический код» (язык, буддийские ценности, степную культуру). Это наглядный пример гармоничного сосуществования двух уровней самосознания: человек может одновременно ощущать себя гордым **представителем своего этноса** и преданным гражданином России одновременно.

Ю. В. Попков⁷³ рассматривает динамику этнокультурного разнообразия как ресурс развития. Он вводит понятие «этносоциальной динамики», где разнообразие культур стимулирует

⁷⁰ Иванов А. В., Журавлева С. М. Соотношение национально-культурной, гражданской и цивилизационной идентичности // Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития. Иванов А. В., Попков Ю. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю., Бондаренко С. И., Артамонова Т. А., Каланчина И. Н., Журавлева С. М., Апенешева Л. Г. Барнаул, 2022. С. 339—351.

⁷¹ Мелибаев А. С. Этническая и гражданская идентичность: параметры взаимодействия // Политическое пространство и социальное время: стратегический вектор общественного развития в условиях полицентричного мира. Сборник научных трудов XXXIX Международного Харакского форума. Симферополь, 2022. С. 138—141.

⁷² Кольцов П. М., Умгаев С. А., Батыров В. В. Гражданская и этническая идентичность на современном этапе на примере калмыцкого этноса // Вестник Калмыцкого университета. 2024. №4 (64). С. 28—33.

⁷³ Попков Ю. В. Этнокультурное разнообразие: истоки и роль в этносоциальной и цивилизационной динамике // VI

творческий потенциал общества и делает цивилизацию более гибкой и жизнеспособной перед внешними вызовами.

Синтезируя выводы авторов, можно сформулировать **принципы**:

1. **Принцип «единства в многообразии»** основывается на признании гражданской идентичности (патриотизма, лояльности государству) в качестве фундамента стабильности, которая черпает свою силу из этнического многообразия (Ю. В. Попков, А. С. Мелибаев).

2. **Принцип «матрешки»** базируется на том, что современный россиянин обладает набором идентичностей, которые вложены друг в друга, то есть этническое «я» (П. М. Кольцов в соавторстве) вписано в гражданское «мы» (А. С. Мелибаев), которое, в свою очередь, является частью глобальной российской цивилизации (А. В. Иванов и С. М. Журавлева).

3. **Принцип «цивилизационного кодирования»:** именно общность цивилизационной судьбы позволяет представителям разных этносов чувствовать себя единым народом без принудительной ассимиляции.

Исходя из вышеперечисленных принципов, мы определяем, что сила России заключается в способности сохранять равновесие, где гражданская солидарность опирается на уважение к этническим корням, а общая цивилизационная рамка предотвращает межнациональные конфликты, превращая культурное разнообразие в энергию развития.

Анализ содержания трех уровней единства позволил определить их содержание.

Таблица 1. Содержание смысловых уровней единства

№ п/п	Уровни	Содержание
1.	Этнический	выражает культурную самобытность народа, определяющую особенности его традиций, обычаев и мировоззрения
2.	Гражданская	проявляется в принадлежности индивидов к определенному государству, формирующему общее правовое пространство и систему общественных институтов
3.	Цивилизационный	охватывает глобальные процессы культурного взаимодействия и взаимовлияния, характеризующие человечество в целом

Уровни находятся в постоянном взаимодействии, создавая сложную структуру социального бытия. Единство выступает результатом динамического равновесия между ними, позволяя обществу сохранять свою целостность и стабильность. Полиэтническое общество, несмотря на свою целостность, неизбежно сталкивается с внутренними противоречиями. Они возникают

из-за расхождения интересов и ценностных установок на разных уровнях социальной структуры. Перед социальной онтологией стоит важная задача – выявить механизмы интеграции и способы гармонизации этих уровней для:

- предотвращения социальных конфликтов, вызванных ценностными расхождениями;
- укрепления общественного единства через поиск общих ориентиров;
- создания условий для продуктивного взаимодействия различных групп.

Концепцию единства России можно представить как иерархическую систему, напоминающую **традиционную русскую матрешку**. Каждый слой выполняет свою функцию и взаимодействует с другими:

Базовый уровень этнического многообразия, представляющий собой совокупность локальных культурных экосистем (языки, традиции, обычаи, исторические памяти отдельных этносов), формирует богатство культурного ландшафта страны и служит источником разнообразия.

Средний уровень (гражданская идентичность), базирующийся на лояльности государству, уважении к правовой системе, осознании общих гражданских прав и обязанностей, участии в политической жизни страны, обеспечивает институциональную сплоченность общества.

Верхний уровень – цивилизационный код – объединяет различные этносы и социальные группы через общие ценности (патриотизм, справедливость, солидарность), символические системы (государственная символика, исторические образы, культурные архетипы), принадлежность к историко-культурному пространству Северной Евразии.

Россия существует как Цивилизация-Государство, где единство формируется не путем подавления различий, а благодаря их гармоничному согласованию в рамках общего цивилизационного кода. Такая организация позволяет стране оставаться устойчивой к внешним угрозам и кризисам. Правовая сфера и политическая культура формируют внешние рамки единства, тогда как общие символы и научно обоснованные идеи наполняют этот процесс глубоким смыслом и содержанием. Российское единство не сводится к простому выравниванию, а скорее напоминает симфонию, где государственные правовые механизмы охраняют этническое многообразие, а общее понимание цивилизационной миссии придает обществу цель и смысл в современном глобализованном мире.

2.3. Соотношение понятий «единство народов» и «народное единство»

Современные исследователи анализируют **единство народов России** как междисциплинарную категорию, объединяющую правовые, исторические, социологические и аксиологические аспекты. Выделим **ключевые концептуальные векторы**.

Первый вектор **«духовно-ценностное и социологическое измерение единства»**. С. М. Емелин⁷⁴ и В. А. Быкова⁷⁵ подчеркивают, что прогресс общества невозможен без «духовного родства», которое выступает внутренним регулятором социальных отношений. Единство в данном контексте понимается как разделяемая большинством система смыслов, где общероссийская идентичность гармонично сочетается с этнической.

Второй вектор **«региональный и этнокультурный баланс»**, или «Единство в многообразии». Монография под ред. А. В. Псянчина⁷⁶ (на примере Башкортостана, Татарстана, Якутии и Дагестана) и работа П. А. Титова⁷⁷ (Нижегородская область) акцентируют внимание на том, что российское единство – это своего рода «симфония» культур. Исследователи показывают, что сохранение языков и этноконфессиональный диалог на местах являются не дестабилизирующим фактором, а, напротив, механизмом укрепления государства. Чем сильнее и защищеннее чувствует себя отдельный народ в рамках федерации, тем крепче общая государственная ткань.

Третий вектор **«государственно-правовой и институциональный фундамент»** единства. Т. В. Заметина⁷⁸ обосновывает правовую сторону вопроса. Единство народов России опирается на конституционный принцип равноправия. Правовой каркас обеспечивает баланс между интересами центра и регионов, создавая условия для того, чтобы многонациональность была правовым преимуществом, а не источником конфликтов.

Четвертый вектор **«историческая преемственность и мобилизационный потенциал»** единства. Б. Р. Хисматуллин⁷⁹ и Д. Р. Халимбеков⁸⁰ обращаются к историческому опыту. При этом Д. Р. Халимбеков проводит прямую аналогию между современными вызовами и Куликовской битвой, указывая на то, что перед лицом внешней угрозы этносы России всегда демонстрировали высокую степень консолидации. Историческое прошлое (в том числе тюрк-

⁷⁴ Емелин С. М. Духовное единство народов России – основа прогресса // Этнос. Общество. Цивилизация. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной Году культурного наследия народов России и 300-летию РАН. Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. 2022. С. 70—72.

⁷⁵ Быкова В. А. Единство народов России как ценность: социологический подход // Традиции и инновации в пространстве современной культуры. Материалы VII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Липецк, 2025. С. 29—30.

⁷⁶ Единство и многообразие языков и культур народов России (на примере республик Башкортостан, Татарстан, Саха (Якутия), Дагестан): монография / отв. ред. А. В. Псянчин, ред. Э. В. Мигранова, Ф. Г. Сафин, Ю. А. Абсалямова. – Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2023. – 366 с.

⁷⁷ Титов П. А. Этноконфессиональный диалог как компонент обеспечения единства народов, проживающих на территории Нижегородской области // XXIX Нижегородская сессия молодых ученых (гуманитарные, технические, естественные науки). Материалы сессии. Нижний Новгород, 2024. С. 47—51.

⁷⁸ Заметина Т. В. Конституционно-правовые аспекты обеспечения равноправия и единства народов России // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. №3. С. 271—280.

⁷⁹ Хисматуллин Б. Р. Влияние исторического прошлого на формирование этнокультурного единства тюркских народов // Наследие и современность. 2024. Т. 7. №2. С. 168—177.

⁸⁰ Халимбеков Д. Р. Единство народов Российской Федерации в условиях угрозы национальной безопасности: аналогии с Куликовской битвой // Державинские чтения. Сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции. М., 2025. С. 618—620.

ских народов в анализе Хисматуллина) рассматривается как фундамент, на котором выстроены многовековые традиции сожителства.

Пятый вектор **«единство как фактор национальной безопасности и воспитания»**. А. Р. Фазылзянова⁸¹, Н. П. Широкова и А. Э. Ромих⁸² связывают тему единства с вопросами выживания государства. В этих работах единство провозглашается залогом национальной безопасности: внутренний раскол рассматривается как главная уязвимость, а консолидация – как щит против гибридных угроз. Патриотическое воспитание здесь выступает инструментом воспроизводства этого единства в новых поколениях (Д. В. Михалева⁸³, Я. И. Усачева совместно с А. О. Знайченко⁸⁴).

На основе анализа представленных трудов можно сформулировать вывод о том, что единство народов России представляет собой многоуровневую систему, которая удерживается **тремя ключевыми факторами**:

– **конституционным равенством**, обеспечивающим баланс прав и обязанностей всех субъектов и этносов;

– **историко-культурным кодом**, сформированным в результате многовекового диалога религий и культур (православия, ислама, буддизма и др.) и совместной защиты общей Родины;

– **аксиологическим консенсусом**, где общероссийская гражданская идентичность является «зонтичной» ценностью, не подавляющей, а оберегающей этническое многообразие.

Авторы едины в том, что в современных условиях глобальной нестабильности единство народов России перестает быть просто социокультурной характеристикой и становится безоговорочным условием сохранения государственного суверенитета и национальной безопасности. Сила России трактуется не как сумма изолированных этносов, а как их органический синтез, где каждый народ вносит свой вклад в общее процветание страны.

Понятия «единство народов» и «народное единство» тесно переплетаются, поскольку оба связаны с идеей гармонии и согласия.

В российском обиходе формулировка **«народное единство»** закрепились в связи с празднованием Дня народного единства. Выявляя историческую преемственность и легитимизацию, Н. А. Штопель⁸⁵, В. О. Комарова⁸⁶, Л. В. Дьякова⁸⁷ анализируют корни праздника, связывая его с событиями 1612 года. Штопель и Комарова акцентируют внимание на процессе «становления» праздника, который должен был заполнить идеологический вакуум после отмены празднования 7 ноября. Л. В. Дьякова расширяет этот контекст, рассматривая народное единство как категорию, существующую вне конкретных дат – в «пространстве и времени», подчеркивая, что это константа российского государственного бытия.

⁸¹ Фазылзянова А. Р. Единство народа – основа национальной безопасности России // Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: историческая память и вызовы современности. Сборник материалов I-й Международной научно-практической конференции, приуроченной к 79-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. М., 2024. С. 432—437.

⁸² Широкова Н. П., Ромих А. Э. Укрепление единства народов России как одной из составляющих патриотического воспитания // Работа по патриотическому воспитанию на уроке и во внеурочной деятельности в рамках реализации федеральных образовательных программ. Методический альманах. Саратов, 2025. С. 234—240.

⁸³ Михалева Д. В. Единство народа как залог процветания страны // В дружбе народов – единство и сила России. Материалы региональной научной конференции, посвященной 20-летию государственного праздника Дню народного единства. Краснодар, 2025. С. 195—200.

⁸⁴ Усачева Я. И., Знайченко А. О. Сила России – в единстве ее народов // В дружбе народов – единство и сила России. Материалы региональной научной конференции, посвященной 20-летию государственного праздника Дню народного единства. Краснодар, 2025. С. 295—298.

⁸⁵ Штопель Н. А. Об исторических аспектах государственного праздника «День народного единства» // Конституция Российской Федерации – основной закон государства (ко дню Конституции России). Сборник материалов межвузовской научно-теоретической конференции. Новосибирск, 2024. С. 86—91.

⁸⁶ Комарова В. О. Становление Дня народного единства // В дружбе народов – единство и сила России. Материалы региональной научной конференции, посвященной 20-летию государственного праздника Дню народного единства. Краснодар, 2025. С. 154—160.

⁸⁷ Дьякова Л. В. Народное единство в пространстве и времени // Свободная мысль. 2023. №5 (1701). С. 131—146.

Инструментальный и консолидирующий потенциал мы обнаруживаем в исследованиях группы авторов (Т. С. Журик, Е. А. Шерстюкова⁸⁸, В. Д. Христенко⁸⁹), которые обосновывают суть праздника как активный ресурс. Т. С. Журик и Е. А. Шерстюкова анализируют «потенциал» праздника – то есть его способность реально объединять разные слои общества вокруг общих целей. В. Д. Христенко переводит дискурс в духовно-символическую плоскость, определяя праздник как источник «духовной поддержки» и символ гражданской солидарности. В данном случае акцент смещен с истории на психологию сопричастности.

Используя элементы научной рефлексии, В. Д. Береснев, Н. И. Береснева⁹⁰, С. А. Тимонин⁹¹ проводят критический анализ.

Н. Е. Клецко⁹² представляет народное единство в виде мишени для информационных атак. Попытки подорвать веру в них – распространенный инструмент дестабилизации, используемый в рамках информационных и идеологических кампаний. Поэтому защита идеи единства становится **стратегической задачей**, от решения которой зависит суверенитет и целостность страны.

День народного единства, введенный в календарь современной России, предложил обществу обновленную трактовку национальной истории, объединяющую разные эпохи, и заполнил смысловой вакуум, который образовался после ухода советских идеологических дат. Исследователи сходятся во мнении, что потенциал Дня народного единства огромен, однако его реализация зависит от того, насколько глубоко ценности солидарности будут осознаны обществом не как «официальный ритуал», а как личная ответственность каждого гражданина за судьбу страны.

Хотя термины «единство народов» и «народное единство» кажутся синонимами и часто используются в схожих контекстах, между ними существуют важные смысловые и акцентные различия, особенно в российском контексте.

⁸⁸ Журик Т. С., Шерстюкова Е. А. Потенциал Дня народного единства как средства консолидации общества // Праздничная культура России: генезис зрелищных форм. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Орел, 2024. С. 19—21.

⁸⁹ Христенко В. Д. День Народного единства – символ гражданского единства и духовной поддержки // В дружбе народов – единство и сила России. Материалы региональной научной конференции, посвященной 20-летию государственного праздника Дню народного единства. Краснодар, 2025. С. 302—305.

⁹⁰ Береснев В. Д., Береснева Н. И. Не единством единым: анализ Дня народного единства // Региональные культурные стратегии в современном мире. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). Пермь, 2024. С. 218—223.

⁹¹ Тимонин С. А. Народное единство России: современные реалии // Новеллы права, экономики и управления 2022. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. 2023. С. 123—126.

⁹² Клецко Н. Е. Информационная угроза народному единству // Шестые международные теоретико-правовые чтения имени профессора Н. А. Пянова. Материалы конференций. М. – Иркутск, 2025. С. 186—193.

Таблица 2. Компаративный анализ понятий «единство народов» и «народное единство»

№ п/п		Единство народов	Народное единство
1.	Субъект	Единство между разными группами	Единство внутри одной (гражданской) общности
2.	Содержание	Наличие и поддержание гармоничных отношений, взаимного уважения и общих целей между различными народами, этносами, национальностями, проживающими на одной территории или входящими в состав одного государства	Сплоченность, солидарность и общая цель всего населения (народа) как единого целого, гражданского общества в рамках одного государства
3.	Суть	Межэтнический, межконфессиональный диалог, культурное взаимодействие	Гражданская солидарность, национальное единство перед лицом вызовов, общая судьба
4.	Смысл	Союз, консолидация множества отличающихся друг от друга этнических или национальных групп, каждая из которых сохраняет свою идентичность	Подчеркивает монолитность, целостность субъекта. «Народ» здесь понимается как совокупность граждан страны, вне зависимости от их этнической принадлежности, вероисповедания и т.д. Речь идет о национальной (гражданской) консолидации

№ п/п		Единство народов	Народное единство
5.	Контекст	Используется в отношении многонациональных государств (как Российская Федерация), где важно подчеркнуть единство не «одного народа», а единство «всех народов», составляющих страну. Акцент делается на межэтническом и межконфессиональном согласии, на культурном многообразии, объединенном общими государственными интересами	Используется в контексте национальной солидарности, особенно в периоды испытаний, при угрозе извне, или для подчеркивания общих гражданских ценностей. Яркий пример – День народного единства в России, который исторически связан с преодолением внутренней Смуты и объединением общества. Цель этого праздника – показать, что народ (как гражданская общность) способен сплотиться ради общих целей, несмотря на различия
6.	Примеры использования	- «Единство народов России — залог её суверенитета и процветания»; - «Развитие культурного обмена способствует укреплению единства народов»	- Народное единство помогло преодолеть кризис»; - «День народного единства – символ сплоченности граждан России»

Фразы «единство народов» и «народное единство» имеют близкие, но немного различающиеся оттенки значений. «Единство народов» подразумевает взаимопонимание, взаимодействие, общее согласие и гармоническое сосуществование разных народов или этнических групп, проживающих совместно. А «народное единство» подчеркивает внутреннее согласие и единомыслие внутри одного народа, национальной общности или крупного объединения людей (например, жителей одной страны). Это понятие отражает идею общей цели, коллективного духа и внутреннего единства, которое проявляется в отношениях внутри самой народной массы. Иными словами, первая формулировка чаще используется в контексте международных отношений, тогда как вторая больше ассоциируется с внутренним миром и гармонией отдельного народа.

Понятия «единство народов» и «народное единство» тесно связаны и в поликультурном государстве одно предполагает другое. Стабильное общество строится на сочетании внутренней гармонии (народного единства) и успешного взаимодействия с другими народами (единства народов). Невозможно достичь подлинного народного единства (как сплоченности всех граждан) без единства народов (гармоничных отношений между всеми этническими группами, составляющими это гражданское общество). И наоборот, сильное народное единство (общая гражданская идентичность и солидарность) способствует укреплению единства народов, поскольку создает общую платформу для взаимодействия и общих целей, объединяющих всех.

Таким образом, «единство народов» подчеркивает важность учета и гармонизации интересов различных этнических и культурных групп, в то время как «народное единство» фокусируется на целостности и сплоченности всего гражданского общества как единого организма.

2.4. Соборность, всеединство и державность в основе российской цивилизации

В ходе развития русской философско-религиозной и общественно-политической мысли в XIX—XX веках сформировались концептуальные категории «соборности» и «всеединства», выступающие в качестве онтологического основания русской социальной мысли. Они предлагают самобытную альтернативу двум доминирующим на Западе моделям: «крайнему индивидуализму» и «механистическому».

Понятие «соборность» берет свое начало в богословских размышлениях А. С. Хомякова. Вводя этот термин, мыслитель стремился описать особый тип социального единства, который он определял как «единство в свободе по закону любви». Изначально соборность была укоренена в православном учении о Церкви (экклесиологии). Однако в русской интеллектуальной традиции она быстро вышла за пределы богословия и приобрела социально-философское измерение. Таким образом, в генезисе соборности заложена установка на преодоление дихотомии субъекта и объекта через их духовное взаимопроникновение. В современных исследованиях прослеживается **путь концепта «соборности»** от сугубо церковного термина до фундаментальной основы национального самосознания и государственного устройства.

А. М. Румянцев⁹³, Р. С. Иванов⁹⁴, Р. Голович⁹⁵ исследуют теологические «корни». Первые два автора подчеркивают, что изначально соборность – это свойство Церкви. Это и «собрание», и органическое единство верующих во Христе, где личность раскрывается в любви и свободе. Третий автор анализирует, как эта религиозная идея перекочевала в социальную мысль, став идеалом «правильного» устройства общества, противопоставленного как западному индивидуализму, так и восточному деспотизму.

Н. Г. Коваленко⁹⁶ дает масштабную ретроспективу: от славянофилов (Хомяков, Киреевский), которые видели в соборности дух общины, до евразийцев. В евразийстве соборность трансформируется в геополитический принцип: это способность разных народов и культур сосуществовать в рамках единого цивилизационного пространства, сохраняя «симфоническую» целостность.

О. И. Елхова, Р. Б. Загыртдинов⁹⁷ связывают соборность с «бытием» (онтологией) человека. Соборность здесь – это внутренняя потребность человека быть частью чего-то большего. Именно на этом глубоком уровне рождается истинный, а не «дежурный» патриотизм. Это сопричастность судьбе народа как своей собственной.

Работа М. Е. Ивановой и Ю. Е. Чубаровой⁹⁸ связывает воедино все предыдущие темы. Авторы выявляют, что без соборности невозможны ни «державность», ни «гражданственность». Государство без внутреннего содержания (духовного единства), то есть соборности, превращается в механизм подавления, а с ней – в «семью народов».

⁹³ Румянцев А. М. Соборность как одно из определений учения о церкви // Государство. Религия. Биоэтика. Право. 2023. №2. С. 42—47.

⁹⁴ Иванов Р. С. К вопросу о соборности: от антропологии к экклесиологии // Православное учение о человеке как основа духовного становления личности. материалы международной научно-практической конференции. Куремья, 2024. С. 128—132.

⁹⁵ Голович Р. Соборность: из истории русской религиозной социальной мысли // Социологические исследования. 2020. №5. С. 122—126.

⁹⁶ Коваленко Н. Г. Соборность как концепт отечественной культуры: от русской философии славянофилов до геополитики евразийцев // Вестник Вятского государственного университета. 2022. №3 (145). С. 29—37.

⁹⁷ Елхова О. И., Загыртдинов Р. Б. Онтология соборности и российский патриотизм // Евразийский юридический журнал. 2020. №2 (141). С. 478—480.

⁹⁸ Иванова М. Е., Чубарова Ю. Е. Соборность как социальное основание державности, гражданственности и патриотизма // Власть истории и история власти. 2024. Т. 10. №1 (51). С. 34—43.

Анализ работ позволяет нам сформулировать ключевые **характеристики соборности как фундамента российского общества**:

- сохранение уникальности каждой личности (или этноса) при их добровольном объединении ради общих высших целей,
- внутреннее чувство ответственности друг за друга,
- способность народа к мобилизации и выживанию в кризисные моменты,
- опора на сохранение традиций и вера для социального развития.

В соборности раскрывается духовный код русского общества, который превращает население в народ, а территорию – в Отечество. Следует обратиться к исследованиям, в которых соборность «прошита» в языке, законах и повседневном сознании россиян.

Т. И. Бармашова, П. В. Ломанов⁹⁹ систематизируют наследие русской классической философии (Хомяков, Соловьев, Флоренский). Они выделяют главное: соборность – это «цельное знание» и «свободное единство», это состояние общества, где человек не растворяется в толпе (как в тоталитаризме), но и не замыкается в себе (как в западном индивидуализме), это золотая середина, основанная на любви и общей истине.

И. В. Одинцова¹⁰⁰ делает важное открытие: соборность – это не просто слово, а концепт языковой картины мира. В данном контексте мы бы его обозначили как языковой и ментальный код соборности. Это значит, что даже если человек не читал философов, он интуитивно понимает смыслы, заложенные в этом слове. Через анализ языка автор показывает, что в русском сознании «быть вместе» – это ценностная категория. Соборность определяет то, как мы мыслим и воспринимаем реальность.

Е. В. Виноградова, М. В. Раттур¹⁰¹ выделяют политико-правовое измерение соборности. Исследователи переводят философскую идею на язык юриспруденции и политики, связывая соборность с народным суверенитетом, а державность – с государственным. Их вывод: в российской модели власти государство сильно тогда, когда оно опирается на соборный дух народа. Это альтернатива западной либеральной демократии, где власть и народ часто рассматриваются как противоборствующие стороны договора.

Д. Д. Бочарова¹⁰² показывает, что российский патриотизм отличается от национализма именно благодаря соборности. Соборный патриотизм – это не ненависть к чужим, а глубокое чувство родства со своими. Это осознание себя частью единого организма, имеющего общую историческую судьбу, что делает патриотизм устойчивым к внешнему давлению.

С. А. Зинковский¹⁰³ анализирует соборность как ответ на вызовы современности (цифровизация, атомизация общества). В мире, где связи между людьми становятся поверхностными, православное понимание соборности предлагает путь восстановления подлинного человеческого общения и солидарности.

Таким образом, **духовный код соборности** в современной парадигме раскрывается через:

⁹⁹ Бармашова Т. И., Ломанов П. В. Понятие «Соборность» в русской философии // Вестник Бурятского государственного университета. 2020. №1. С. 73—80.

¹⁰⁰ Одинцова И. В. Концепт соборность в русской языковой картине мира // Язык, сознание, коммуникация. Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. М., 2021. С. 93—108.

¹⁰¹ Виноградова Е. В., Раттур М. В. Политико-правовая модель державности и соборности сквозь призму государственного и народного суверенитета: историографический аспект // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. №4 (66). С. 588—614.

¹⁰² Бочарова Д. Д. Соборность как основа российского патриотизма // Памятные даты истории Отечества и творчество деятелей российской истории и культуры. Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции, в рамках гранта «Комплекс культурно-просветительских, творческих и интерактивных выставочных мероприятий „Эпос земли русской“, приуроченных к 175-летию со дня рождения В. М. Васнецова». М., 2023. С. 70—74.

¹⁰³ Зинковский С. А. Православное понимание соборности и реалии современного мира // Христианское чтение. 2023. №4. С. 171—181.

– **когнитивный базис**: соборность – это своего рода «операционная система» русской культуры, заложенная в языке и определяет поведение людей даже на подсознательном уровне (И. В. Одинцова, Т. И. Бармашова, П. В. Ломанов);

– **суверенитет**: российское государство (держава) легитимно и устойчиво только тогда, когда оно действует в симфонии с народным духом (соборностью), а сила власти черпается в единстве народа (Е. В. Виноградова, М. В. Раттур);

– **идентичность**: патриотизм в России – это производное от соборности как чувства «бытия вместе» (Д. Д. Бочарова);

– **глобальную альтернативу**: в условиях кризиса индивидуалистических моделей развития, соборность выступает как актуальный социальный проект, способный обеспечить устойчивость общества в XXI веке (С. А. Зинковский).

Соборность превращает механическое объединение людей – личное («Я»), общественное («Мы») и государственное («Держава») – в живой социальный организм.

Дальнейшее развитие и философское обобщение можно продолжить в системе **«положительного всеединства»**. Понятие «всеединство» было введено В. Соловьевым, обозначавшим идею универсального единства всего существующего мира, основанного на духовной сущности и любви. Это представление предполагало синтез науки, религии и искусства в единую целостную картину мироздания.

Если соборность Хомякова имела преимущественно социально-религиозный характер, то всеединство Соловьева претендует на статус универсального онтологического принципа. Генезис идеи всеединства у Соловьева связан с попыткой синтезировать святоотеческую традицию с западной классической метафизикой (в частности, идеями Спинозы, Шеллинга и Гегеля). Принцип «всеединства» утверждает, что «целое не есть сумма частей, но каждая часть содержит в себе целое». В социально-философском аспекте это трансформируется в идеал «свободной теократии» и «богочеловечества», где социальная интеграция мыслится как процесс воссоединения человечества с божественным первоначалом.

В начале XX века идеи соборности и всеединства подвергаются детальной теоретической разработке в трудах мыслителей Серебряного века – П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка. В частности, С. Л. Франк в работе «Духовные основы общества» осуществляет переход от метафизики всеединства к социальной онтологии, вводя понятие «мы» как первичной категории социального бытия. Для Франка соборность («мы») является не продуктом договора между «я», а изначальным условием существования личности.

Таким образом, генезис идей всеединства и соборности в русской мысли демонстрирует последовательное движение от религиозной интуиции к целостной социально-философской парадигме. Оба понятия отражали специфику русской ментальности, ориентированной на духовное совершенствование и гармонию человеческого существования. Эти идеи сформировали уникальный дискурс, в котором социальный порядок рассматривается как живой организм, одухотворяемый высшими ценностными смыслами. Анализируемые нами концепции оказали значительное влияние на развитие русской культуры и общественной мысли, став основой многих последующих философских учений и политических проектов.

Осуществляя тематический анализ работ, посвященных **всеединству**, то можно обнаруживается несколько **направлений**.

Первое направление **«метафизическое ядро и этика любви»** (О. Э. Щелоков¹⁰⁴, Г. В. Акименко, С. А. Юдин¹⁰⁵, Л. В. Корсакова, К. Е. Чайкин¹⁰⁶). О. Э. Щелоков, а также

¹⁰⁴ Щелоков О. Э. Идея всеединства в философии В. С. Соловьева // Актуальные вопросы философии и религиоведения. Сборник студенческих научных работ. Симферополь, 2021. С. 45—51.

¹⁰⁵ Акименко Г. В., Юдин С. А. Идея всеединства в работах В. Соловьева // Дневник науки. 2023. №4 (76).

¹⁰⁶ Корсакова Л. В., Чайкин К. Е. Что общего между идеей всеединства и «принципом всеобщей любви» // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования. Сборник материалов VI Международной научно-практической очно-

Г. В. Акименко совместно с С. А. Юдиным закладывают теоретическую базу: всеединство – это органическое единство Творца и творения, где «все есть во всем». Л. В. Корсакова и К. Е. Чайкин дополняют это этическим измерением: всеединство невозможно без «принципа всеобщей любви». Любовь здесь выступает не просто как чувство, а как онтологическая сила, которая соединяет разные части мира, не подавляя их индивидуальности.

Второе направление **«антропология и личность»** (К. П. Стожко¹⁰⁷, Д. В. Жданов¹⁰⁸). К. П. Стожко исследует, как идея всеединства меняет понимание человека. В этой системе личность не изолированный атом, а «микрокосм». Быть личностью – значит стремиться к единству с миром и Богом. Д. В. Жданов связывает метафизику Соловьева с «Русской идеей», утверждая, что призвание человека (и народа) – в преодолении эгоизма ради высшего синтеза.

Третье направление **«эстетика и искусство»** (В. Л. Проскурина¹⁰⁹, Е. Ю. Турчинская¹¹⁰, В. И. Постовалова¹¹¹). В. Л. Проскурина на примере маринистики (образов моря) Соловьева показывает, как идея всеединства переживается поэтически – как стихийное, бесконечное и гармоничное целое. Е. Ю. Турчинская делает неожиданный и важный мост к авангарду: она доказывает, что поиски русских художников-экспрессионистов и авангардистов коренятся в этой же жажде «целостности» и преобразования мира. В. И. Постовалова обобщает этот опыт, прослеживая, как идея всеединства живет в мистике и богословии XX–XXI веков, становясь мостом между религией и творчеством.

Четвертое направление **«футурология и глобальные задачи»**. О. К. Шевченко¹¹² переносит идеи XIX века в контекст XXI столетия. Он рассматривает всеединство, теургию (богочеловеческое творчество) и теократию как духовную альтернативу современным кризисам. Для автора это проект «Русской идеи», способной предложить миру новый путь развития.

Идея всеединства предстает как универсальный синтетический проект, который объединяет в себе:

1. **Онтологию**: весь мир – это живой, развивающийся организм, связанный Божественным началом.

2. **Этику и антропологию**: личность обретает полноту только в любви и единстве с другими («Соборность» здесь смыкается со «Всеединством»).

3. **Культуру**: искусство – это не просто украшение жизни, а способ ее преображения и гармонизации.

4. **Геополитику**: «русская идея» на базе всеединства – это миссия примирения Востока и Запада, материального и духовного, науки и веры.

Анализируя понятие **«державность»**, необходимо перейти из области культуры и философии в плоскость государственного строительства, геополитики и социально-экономической стратегии в силу того, что державность, являясь фундаментальной категорией, определяет жизненность России.

заочной конференции. Кубанский государственный технологический университет. Краснодар, 2021. С. 1243–1250.

¹⁰⁷ Стожко К. П. Теория личности в контексте идеи всеединства в русской философии первой половины XX века // Наука, образование, культура. Межвузовский сборник научных статей. Под редакцией К. П. Стожко. Екатеринбург, 2021. С. 293–298.

¹⁰⁸ Жданов Д. В. Метафизика всеединства В. С. Соловьева и «Русская идея» // Социология. 2025. №5. С. 206–213.

¹⁰⁹ Проскурина В. Л. Идея всеединства в маринистической лирике В. Л. Соловьева // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. №1 (90). С. 81–85.

¹¹⁰ Турчинская Е. Ю. Идея русской религиозной философии о всеединстве и движение раннего русского авангарда: истоки русского экспрессионизма // Научные труды СПбской академии художеств. 2025. №72. С. 136–151.

¹¹¹ Постовалова В. И. Идея всеединства в религиозно-художественной, мистико-эстетической и богословской мысли XX–XXI веков // Метафизика. 2022. №3 (45). С. 54–81.

¹¹² Шевченко О. К. Русская идея для XXI века: всеединство, теургия, теократия // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 24. №1. С. 136–140.

Теоретико-историческая база и историография державности представлена в работах О. Е. Сорокопудовой¹¹³¹¹⁴, С. А. Ермишиной¹¹⁵. Иными словами. Можно сказать, что авторы занимаются «инвентаризацией» смыслов. О. Е. Сорокопудова отмечает, что современная историческая наука трактует державность как сложный комплекс представлений о месте России в мире. С. А. Ермишина исследует истоки этого феномена, подчеркивая, что державность – это органичный способ бытия российского государства, вытекающий из его масштабов и истории.

П. В. Седаев¹¹⁶ и др., Ю. М. Резник¹¹⁷, смещая внимание на внутреннюю структуру общества, выявляют в державности ценностный и социальный фундамент. П. В. Седаев и соавторы связывают державность с «соборностью». И это, действительно, принципиально: сила государства (державность) черпается в традиционном духовном единстве народа (соборности). Ю. М. Резник осмысливает эволюцию цивилизационной модели. Переход к «державности» он видит как этап зрелости общества, уходящего от жесткой «политарности» (чистого администрирования) к более органичной и масштабной форме социального устройства.

С. Г. Ковалев¹¹⁸¹¹⁹, А. И. Аренков¹²⁰ определяют, что державность – это вопрос выживания. С. Г. Ковалев делает новаторский ход, перенося державность в сферу экономики. Для него это парадигма «воспроизводственной безопасности». Без державности (суверенитета в решениях) невозможна экономическая независимость страны. Он также ставит вопрос о «державности» как о модели для «альтернативного будущего» (путь, отличный от глобального неолиберализма). А. И. Аренков заземляет теорию на героический опыт. Державность здесь – это способность народа к сверхмобилизации ради сохранения страны, когда «народ-победитель» становится главным субъектом истории.

Ю. В. Труфанова¹²¹ изучает явление державности через призму образования и воспитания. Автор предлагает практический путь формирования этого чувства у граждан. Используя поликультурный подход, она показывает, что воспитание державности – это воспитание гордости за общую великую страну у представителей всех культур России.

На основе анализа представленных статей можно сформулировать **целостную концепцию современной российской державности**.

1. «Державность – это форма суверенитета», то есть способность государства самостоятельно определять свои цели в экономике (С. Г. Ковалев), политике и культуре.

¹¹³ Сорокопудова О. Е. Концептуализация понятия «державность» в современной историографии // Карповские чтения. Сборник статей XII Всероссийской научно-практической конференции. М., 2025. С. 426–428.

¹¹⁴ Сорокопудова О. Е. Понятие «державность» в фокусе современной историографии // SCHOLA-2025. Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова: 55-летию кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова посвящается. М., 2025. С. 201–204.

¹¹⁵ Ермишина С. А. Об основах российской державности // У истоков российской государственности. Исследования, материалы. Материалы XIII Международной научно-практической конференции. Сер. «Калужские страницы» Калуга, 2020. С. 152–157.

¹¹⁶ Седаев П. В., Устинкин С. В., Кочуров А. С. Традиционные ценности соборности и державности как одна из основ формирования российской государственности // Власть. 2022. Т. 30. №4. С. 43–46.

¹¹⁷ Резник Ю. М. Геосоциальная трансформация цивилизационных моделей в России: от политарности к державности // Личность. Культура. Общество. 2025. Т. 27. №3 (127). С. 84–102.

¹¹⁸ Ковалев С. Г. Державность как парадигма теоретической экономики и стратегии воспроизводственной безопасности РФ // Философия хозяйства. 2023. №5 (149). С. 104–120.

¹¹⁹ Ковалев С. Г. Российская державность: феномен, уходящий в прошлое, или возможность для альтернативного будущего? // Философия хозяйства. 2023. №6 (150). С. 121–140.

¹²⁰ Аренков А. И. «Народ победитель»: практическое воплощение принципа «державности» в опыте Русской революции и Великой Отечественной Войны // Философия Победы (к 80-летию Победы в Великой отечественной войне). Сборник статей Международной конференции. СПб, 2025. С. 264–272.

¹²¹ Труфанова Ю. В. Поликультурный подход как средство формирования державности граждан // Педагогика и психология в современном мире: теоретические и практические исследования. Сборник статей по материалам ХСIX международной научно-практической конференции. М., 2025. С. 16–19.

2. **«Державность – это синтез силы и духа»**, когда державность немыслима без опоры на традиционные ценности (соборность) и историческую память (народ-победитель). Это точка сборки, где интересы государства совпадают с волей народа (П. В. Седаев, С. В. Устинкин, А. С. Кочуров, А. И. Аренков).

3. **«Державность – это инклюзивность»**, иными словами, державность формируется через поликультурный диалог (Ю. В. Труфанова). Быть частью великой державы – это общая идентичность, которая стоит над этническими различиями, но не стирает их.

4. **«Державность – это стратегия будущего»**, реальная альтернатива в условиях глобальных кризисов, обеспечивающая безопасность и развитие (С. Г. Ковалев).

В отечественной политико-философской традиции «державность» выступает как глубоко укорененная в народном сознании установка на восприятие государства как высшей формы общественной организации и главного гаранта исторического выживания евразийской цивилизации. Мы полагаем, что в державности заложен универсальный код российской государственности, объединяющий экономическую самодостаточность, военную мощь, культурное многообразие и духовную соборность в единую систему цивилизационного выживания.

Для российского сознания державность неразрывно связана с категорией ответственности: государство берет на себя миссию сохранения культурного кода каждого народа, в то время как народы делегируют государству право на монополию в определении векторов цивилизационного развития.

Феномен державности в российском цивилизационном контексте обладает глубоким этическим измерением, выступая в роли секуляризированной формы «соборности». В этой системе координат сильное государство не подавляет этнокультурную самобытность, а, напротив, обеспечивает условия для ее процветания. Державный каркас удерживает многообразие элементов от хаотического распада, превращая механическую сумму территорий и народов в органическое единство.

В рамках этой концепции российское государство наделяется функцией «удерживающего» (Катехона). Это предполагает особую миссию на международной арене – противодействие негативным глобальным процессам. Для многонационального российского общества державность становится формой коллективного суверенитета: быть частью великой Державы означает обладать исторической субъектностью (то есть, возможность влиять на ход мировой истории). Отдельный этнос, действуя изолированно в рамках узкоэтнического проекта, не способен в полной мере реализовать эти возможности. На личностном уровне концепция порождает особый тип патриотизма – «державный патриотизм», когда преданность своей этнической родине («Малой родине») органично дополняется служением общему Отечеству.

Замечательно, что державность в современном прочтении представляет собой запрос общества на предсказуемость, справедливость и защиту национальных интересов. Это ценностно-смысловой фундамент, который позволяет интегрировать исторический опыт различных эпох – от Московского царства и Российской империи до советского периода и современной России – в единый континуум. В этом синтезе державность выступает как устойчивая константа российской государственности, которая обеспечивает преемственность исторического развития, консолидирует общество вокруг долгосрочных целей, создает и защищает общую суверенность будущего.

В институциональном измерении концепция державности реализуется через особую модель правового и политического регулирования. Модель включает приоритет национального суверенитета, верховенство закона, создание защитного барьера против внешней идеологической экспансии и размывания традиционных устоев. В условиях формирования многополярного миропорядка державность становится внешнеполитическим ресурсом и легитимизирует право России на самостоятельный путь развития и на отстаивание собственных цивилизационных стандартов. Российское государство в данном случае выступает как субъект, способный

обеспечить не только физическую безопасность, но и когнитивную автономию общества – способность народа мыслить и действовать в категориях собственных национальных интересов, а не навязанных извне глобалистских паттернов.

В воспроизводстве державности особая роль принадлежит образованию, которое призваны транслировать это ценностное ядро новым поколениям. Державность как образовательный императив формирует у молодежи чувство исторического достоинства и осознание своей причастности к грандиозному проекту «государства-продолжателя», преодолевая «клиповое» восприятие истории. Молодое поколение формирует цельный образ Родины, представление о силе и устойчивости государства, напрямую зависящие от личного вклада каждого гражданина.

Современный запрос на державность – это не стремление к реставрации имперских форм прошлого, а поиск устойчивой формулы развития в XXI веке, где сильное государство является единственно возможным гарантом сохранения России как уникального культурно-исторического типа в глобальном мире. Державность – воплощение цивилизационной установки на сохранение «права на самобытность» для всех участников международного процесса. В геополитической архитектонике современности российская державность препятствует установлению глобальной монополии и обеспечивает условия для формирования многополярного мира. Россия как государство-цивилизация через свою державную мощь транслирует ценность суверенного равенства, становясь центром притяжения для сил, стремящихся к сохранению национального достоинства и защите от унификации.

Социально-психологическая составляющая державности раскрывается через особый тип легитимности власти, основанный на доверии граждан к государству как к высшему арбитру в вопросах справедливости, гаранту соблюдения общественных интересов, защитнику этических норм и традиционных ценностей. В отечественном сознании державность тесно переплетена с идеей «правды» – представлениями о том, что действия власти должны соответствовать глубинным ожиданиям и нравственным запросам народа. В таком контексте державный патриотизм выполняет функцию духовной скрепы, объединяющей представителей различных этносов, разных религиозных убеждений, групп людей с разными интересами.

В цифровую эпоху державность приобретает измерение информационного и ценностного суверенитета. В условиях «войн смыслов» и глобальных информационных потоков сильное государство обязано выступать хранителем национального кода. Державность сегодня – это способность нации самостоятельно определять свои этические стандарты, сохранять историческую память и проектировать суверенный образ будущего. Это утверждение интеллектуальной и технологической состоятельности цивилизации, способной не только потреблять мировые тренды, но и предлагать человечеству собственные смыслы и решения, обеспечивая России субъектность в долгосрочной исторической перспективе.

В нашем исследовании изучается содержание понятия **«державное мышление»**, которое представляет собой сложный социокультурный и политический концепт. Его сущность заключена в безусловном приоритете государственных интересов – суверенитета, безопасности, территориальной целостности и геополитического влияния – над индивидуальными или корпоративными притязаниями. Исторически формирование этого типа мышления часто коррелирует с периодами государственного строительства, консолидации власти и противостояния внешним угрозам, когда необходимость выживания и укрепления державности становилась доминирующим императивом.

В различных политических системах, от империй до современных республик, державное мышление выступало как мощный инструмент легитимации власти, формирования национального единства и мобилизации общества на решение масштабных задач, нередко игнорируя при этом принципы правового государства или концепции индивидуальных прав и свобод. Понимание державности, таким образом, требует не только анализа его идеологических декла-

раций, но и исследования его функциональной роли в конкретных исторических контекстах, а также выявления тех дихотомий, которые возникают между провозглашаемым величием государства и реальными потребностями его граждан.

Державное мышление формирует специфический тип гражданской идентичности, при котором осознание принадлежности к великой политической общности (Державе) защищает и легитимизирует этническое и конфессиональное многообразие. Государство в данной парадигме мыслится как «общий дом» и арбитр, который создает условия для гармоничного со-развития всех народов России, где сильная централизованная власть интерпретируется как необходимое условие предотвращения центробежных тенденций и внешних угроз.

Державное мышление становится когнитивным фильтром, через который частные интересы отдельных социальных¹²² и этнических групп соотносятся с общенациональными целями. В условиях современных геополитических вызовов актуализация данного типа мышления выступает ответом на попытки фрагментации российского пространства, предлагая народам России универсальную платформу солидарности, основанную на сопричастности к строительству и защите суверенного, самодостаточного государства-цивилизации.

В контексте личности гражданина российской цивилизации державное мышление выступает не как навязанный извне идеологический конструкт, но как глубинная, исторически обусловленная ментальная матрица, формирующая специфику индивидуального и коллективного самосознания. Исторически российская идентичность формировалась в условиях постоянных **экзистенциальных вызовов** – внешних угроз, геополитических испытаний и необходимости консолидации общества вокруг сильного центра власти. В результате у граждан сложилась особая модель восприятия государства: оно выступает не просто как политический институт, а как гарант выживания цивилизации и хранитель ее уникального культурно-исторического кода. Идея служения Отечеству как личностная ценность перерождается в готовность к жертвенности ради безопасности державы. Державное мышление формирует у российского гражданина устойчивое ощущение сопричастности к великой исторической миссии, где личная судьба тесно переплетается с судьбой государства, а величие и самостоятельность державы выступают залогом сохранения собственной самобытности и достоинства.

Таким образом, державное мышление личности гражданина российской цивилизации – это не просто набор политических взглядов, а глубоко интериоризированная система ценностей, формирующая мировоззрение, в котором государство (Держава) является центральным элементом, смыслообразующим фактором существования личности, гарантией ее идентичности, безопасности и исторической преемственности.

В современных исследованиях **соборность и державность – есть «культурные коды» и конституционные принципы современной России.**

А. А. Батушева и Р. Р. Юсупов¹²³ занимаются исследованием соборности и державности с позиции основы «кода» российской цивилизации. Для них это не противоречащие друг другу понятия: соборность (внутреннее духовное единство народа) является фундаментом для державности (внешней силы и суверенитета государства). С. П. Золотарев, Т. Н. Воронцова¹²⁴ добавляют к этой связке категорию духовности. Они утверждают, что без морально-этического стержня государственная мощь (державность) становится бездушным механизмом, а обще-

¹²² Шамшуринов В. И., Шамшурина Н. Г. О философии государственного, державного мышления и биологизме социума // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Т. 19. №4. С. 630—640.

¹²³ Батушева А. А., Юсупов Р. Р. Соборность и державность в контекстах культурных кодов российской цивилизации // Приоритеты социально-экономического развития России в многополярном мире. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, студентов, магистрантов и аспирантов. Саратов, 2024. С. 325—328.

¹²⁴ Золотарев С. П., Воронцова Т. Н. Державность, духовность и соборность как духовные основы российской цивилизации // Российская гуманитарная ситуация: вызовы, перспективы, решения. Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Персиановский, 2025. С. 13—16.

ственное единство (соборность) – формальностью. И эти три элемента образуют «ценностный каркас» России.

.В. Виноградова¹²⁵ демонстрирует, что изменения в конституционном законодательстве РФ фактически опираются на классические идеи соборности и державности. Е. Ю. Семенова¹²⁶ переводит философские концепты в плоскость современного высшего образования (курс «Основы российской государственности»). Государство-держава в ее трактовке – это высокая социальная ответственность перед гражданами.

Современная Россия переживает период ценностной консолидации. Важнейшим условием ее развития признается духовность. Социальная справедливость и служение общему благу – это те критерии, по которым оценивается эффективность державности. Концепты «державности» и «соборности» приобретают институционализированный смысл. Державность и соборность – это две стороны одной медали: мощное государство (держава) невозможно без внутреннего согласия и духовного родства граждан (соборность). Устойчивость России как уникальной «цивилизации-государства» зависит от сохранения ее культурных кодов.

¹²⁵ Виноградова Е. В. Конституционные основы укрепления государственности в проекции историографического анализа концепций суверенитета, державности и соборности // Теория и практика правового регулирования общественных отношений: проблемы и перспективы взаимодействия. Сборник научных статей. Гродно, 2025. С. 7—12.

¹²⁶ Семенова Е. Ю. Державность и социальность как базовые концепты курса «Основы российской государственности» // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. 2024. Т. 6. №4. С. 138—144.

ГЛАВА 3. РОССИЯ КАК ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ: ЦЕННОСТНЫЙ ФУНДАМЕНТ ЕДИНСТВА

3.1. Концепт «государство-цивилизация» как методологический ключ к пониманию российской идентичности

Современная научная мысль сталкивается с необходимостью разработки новых подходов к анализу российской государственности. Традиционные модели, выработанные на основе западноевропейского опыта, оказываются недостаточными для описания специфики исторического пути России. Российский исторический опыт обладает рядом отличительных черт, не вписывающихся в классические схемы:

- во-первых, он не сводится к модели национального государства с четко очерченными этническими и культурными границами;
- во-вторых, не может быть полностью объяснен через концепцию империи с ее акцентом на территориальной экспансии и административном подчинении;
- в-третьих, демонстрирует уникальный синтез государственных институтов и цивилизационных характеристик, формирующих особую траекторию развития.

Для адекватного понимания особенностей русской истории и культуры требуется введение специального понятийного аппарата, способного отразить синтез государственных институтов и цивилизационных характеристик, определяющих развитие страны.

Переосмысление места России в меняющемся миропорядке требует выхода за пределы узких рамок модели «нации-государства», которая зачастую оказывается тесной для описания масштабов и внутренней сложности российского социума. Поэтому в нашем исследовании вводится концепт «государство-цивилизация», который выступает не просто как идеологическая конструкция, но как фундаментальный методологический ключ, позволяющий адекватно интерпретировать специфику российской идентичности.

Нами был проанализирован массив статей, представляющих собой масштабное интеллектуальное обоснование новой государственной идеологии России (Концепция внешней политики 2023 года¹²⁷). Исследователи анализируют переход от западной модели «национального государства» к уникальной модели «государства-цивилизации». На основе тематического анализа нами проведена систематизация идей.

Идея 1 «Философские корни государства-цивилизации» (Н. В. Пасенко¹²⁸, М. А. Ефимец¹²⁹, Н. В. Асонов¹³⁰, А. А. Горелов¹³¹). Исследователи опираются на классическое

¹²⁷ Указ Президента Российской Федерации «Концепция внешней политики Российской Федерации» от 31.03.2023 г. №229.

¹²⁸ Пасенко Н. В. К вопросу о понятии государства-цивилизации в свете философского наследия Н. Я. Данилевского // Макарьевские чтения. Материалы XVIII Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор В. Г. Бабин. 2023. С. 104—110.

¹²⁹ Ефимец М. А. «Мир» как универсальный культурно-цивилизационный концепт // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. №2 (94). С. 64—73.

¹³⁰ Асонов Н. В. Цивилизационная составляющая российской государственности // Власть. 2023. Т. 31. №5. С. 153—157.

¹³¹ Горелов А. А. Некоторые фундаментальные направления российского проекта цивилизационного развития и цивилизационные основы России // Знание. Понимание. Умение. 2024. №3. С. 82—93.

наследие (Н. Я. Данилевский) и концепт «Мира» (Русский мир) как универсальную культурную категорию. Государство-цивилизация здесь – это не просто территория, а самобытный культурно-исторический тип, имеющий право на собственные правила развития, отличные от универсалистских западных лекал.

Идея 2 «Государство-цивилизация в условиях кризиса глобализма» (В. И. Спиридонова¹³², В. В. Огнева¹³³, Ю. В. Печин¹³⁴). Центральный тезис: модель «национального государства» в условиях неолиберального кризиса более не способна защитить интересы крупных, многосоставных обществ. «Государство-цивилизация» выступает как антитеза неолиберальному порядку, предлагая суверенитет смыслов и ценностей вместо внешнего управления.

¹³² Спиридонова В. И. «Цивилизационное государство» versus «национальное государство» как отражение кризиса неолиберального порядка // Знание. Понимание. Умение. 2022. №2. С. 102—114.

¹³³ Огнева В. В. Россия в меняющемся мире: поиск новой модели политического развития как государства-цивилизации // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2024. №2. С. 18—28.

¹³⁴ Печин Ю. В. Россия как государство-цивилизация: осмысление концепта // Роль аграрной науки в устойчивом развитии сельских территорий. Сборник IX Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием. Новосибирск, 2024. С. 1290—1293

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.